

Российский государственный гуманитарный университет
Russian State University for the Humanities

HUMANITARIAN ACCENT
№ 4

Scientific quarterly

Moscow 2023

ISSN 2542-2030

ГУМАНИТАРНЫЙ АКЦЕНТ
№ 4

Ежеквартальный научный журнал

Москва 2023

Редакционный совет

А.Б. Безбородов, д-р ист. наук, проф. (председатель)

Н.И. Архипова, д-р экон. наук, проф.

Е.В. Барышева, д-р ист. наук, доц.

Л.Н. Вдовиченко, д-р социол. наук, проф.

Гудрун Ершов (Берлинский университет им. Гумбольдта, Германия)

Г.Г. Ершова, д-р ист. наук., проф.

В.И. Заботкина, д-р филол. наук, проф.

Г.И. Зверева, д-р ист. наук, проф.

В.А. Колотаев, д-р филол. наук, проф.

Н.Л. Лепе, канд. физ.-мат. наук, доц.

С.Ю. Неклюдов, д-р филол. наук, проф.

О.В. Павленко, д-р ист. наук, проф.

Н.В. Ростиславлева, д-р ист. наук, проф.

И.С. Смирнов, канд. филол. наук

А.А. Столяров, канд. ист. наук, доц.

П.П. Шкаренков, д-р ист. наук, проф.

Редакционная коллегия

Е.А. Долгова, гл. ред., д-р ист. наук, доц.

И.П. Азерникова, канд. ист. наук, доц.

П.А. Алипов, канд. ист. наук, доц.

Ю.Г. Бит-Юнан, д-р филол. наук, доц.

Н.А. Комочев, канд. ист. наук, доц.

Е.А. Косован, канд. ист. наук, доц.

И.С. Курилович, канд. филос. наук, ст. науч. сотр.

Н.В. Петров, канд. филол. наук, доц.

Н.А. Филин, д-р ист. наук, доц.

Ответственный за выпуск

Е.А. Долгова, д-р ист. наук, доц.

Содержание

Научное присутствие за рубежом

Б.А. Правоторов

Особенности социально-профессиональной адаптации
русской интеллигенции в Южной Америке (1920–1940 гг.) . . . 7

К.С. Шевякова

Регионы добычи энергоресурсов в экспертных оценках
ученых-нефтяников в 1920–1940-х гг.: механизмы
коммуникации в нефтяном сообществе 16

История науки

В.В. Слискова

«При вышесказанных обстоятельствах я не являюсь
ответственным»: один случай из жизни Института
экспериментальной биологии ГИНЗ (1929 г.) 24

А.А. Королева

Интеллектуальные основания критики
М.Н. Покровского М.В. Нечкиной 34

Публичная политика

А.А. Кожевников, Т.А. Филиппова

Интернет-ресурсы и их возможности в реализации
имиджевой политики: пример губернаторов ДФО 47

Издательский портфель

Адам Анатольевич Хагба

Интерпретация музыкального текста
с позиций семиотики и герменевтики 58

Abstract 79

Сведения об авторах 83

Contents

Scientific presence abroad

B.A. Pravotorov

Peculiarities of socio-professional adaptation
of russian intelligentsia in South America (1920–1940) 7

Kseniya S. Sheviakova

Regions of energy resource production in expert
assessments of scientists in the 1920–1940s: mechanisms
of communication in the oil community 16

History of science

Valeriya V. Sliskova

“I believe that in this case I am not responsible for the results”:
one incident in the Institute of Experimental Biology (1929) 24

Anastasiya A. Koroleva

Intellectual foundations
of M. Nechkina’s criticism of M. Pokrovsky 34

Public policy

Aleksey A. Kozhevnikov, Tamara A. Filippova

Internet resources and their possibilities in the realization
of image policy: the example of the governors
of the Far Eastern Federal District 47

Publishing portfolio

Adam A. Hagba

Interpretation of musical text from
the positions of semiotics and hermeneutics 58

Abstract 79

Data about authors 83

Научное присутствие за рубежом

УДК 331.55

ББК

Б.А. Правоторов

Особенности социально-профессиональной адаптации российской интеллигенции в Южной Америке (1920–1940 гг.)

Статья посвящена выявлению и рассмотрению факторов и особенностей социально-профессиональной адаптации российской интеллигенции в странах Южной Америки в 1920–1940-х гг. Особое внимание уделяется вкладу представителей российской интеллигенции в развитие культуры, науки и экономики региона. Распространение российского профессионального знания привело к зарождению взаимовыгодного союза иммигрантского и латиноамериканского сообществ.

Ключевые слова: Южная Америка, эмиграция, адаптация, интеллигенция, профессия

Приход большевиков к власти в 1917 г. и начало Гражданской войны в России стали катализаторами массового исхода населения из страны. Первые потоки послереволюционной волны эмиграции были преимущественно направлены в страны Западной Европы. Однако в 1920-х гг. в регионе разгорелся экономический кризис, из-за которого около 200 тыс. российских переселенцев остались без работы [Мосейкина 2011, с. 30]. Проблемы с поиском и получением работы вынуждали эмигрантов искать новое место жизни. Причиной эмиграции россиян из Европы служило их желание вернуться к прежнему уровню жизни: более половины эмигрировавших имели высокий уровень образования, но в Европе им приходилось работать на заводах или официантами в ресторанах [Мосейкина 2012, с. 78]. Кроме того, правительства европейских стран рассматривали

российских эмигрантов как опасный элемент, опасаясь их возможных связей с коммунистами, поэтому стремились от них избавиться [Бочарова 2016, с. 64–65].

С 1925 г. в Европе началась кампания по организации переселения россиян в Северную и Южную Америку. Председатель Международного бюро труда (МБТ) Лиги Наций А. Тома предложил использовать для их расселения земли Южной Америки [Мосейкина 2011, с. 30]. В 1920-х гг. на южноамериканском материке оказались около 15 тыс. российских эмигрантов [Зеленин 2015, с. 263]. Социальный состав новоприбывших ограничивался не только представителями интеллигенции, включая в себя практически все общественные слои дореволюционной России: буржуазию, ремесленников, крестьян, рабочих, казаков, студентов и т. д. [Заболоцкий 2009, с. 52; Баркова 2012, с. 110].

Несмотря на проевропейски ориентированную иммиграционную политику и наличие «нансеновского» паспорта у бывших подданных Российской империи, правительства государств Южной Америки устанавливали ограничения на въезд определенных групп граждан. В первую очередь южноамериканские государства были заинтересованы в дешевой рабочей силе, которая смогла бы обрабатывать землю, а не в представителях интеллигенции, которые оседали в городах¹.

Одной из главных проблем для российской интеллигенции в Южной Америке стал языковой вопрос. Большинство эмигрантов не говорили на двух самых распространенных языках Южной Америки – испанском и португальском, поэтому поначалу это создавало сложности в коммуникации с местным населением, а также поиском работы, что часто отмечали эмигранты в своих воспоминаниях [Парчевский 1936, с. 49]. В среднем же на изучение испанского языка у российского иммигранта уходило от трех месяцев до полугода².

Во время переезда из Европы в Южную Америку представителям российской интеллигенции обещали работу на промышленных предприятиях инженерами или администраторами, однако обещания агентов и заголовки эмиграционных брошюр зачастую не совпадали с действительностью³. Российским интеллигентам приходилось братья за самую низкооплачиваемую работу, никоим образом не связанную с их сферой деятельности, чтобы иметь средства к существованию⁴.

¹ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1056. Л. 1.

² Там же. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

³ Там же. Ф. Р-5916. Оп. 1. Д. 2. Л. 19.

⁴ Там же.

У российского иммигранта поиск работы занимал от пары недель до нескольких месяцев⁵. По подсчетам З.С. Бочаровой, в среднем за год человек из простонародья менял за год 5–6 профессий, в то время как интеллигент – 10–20 [Бочарова 2017, с. 33]. У работников умственного труда были наименьшие шансы для трудоустройства. Поэтому зачастую представители российской интеллигенции становились в Южной Америке шоферами, официантами, прислужкой, строителями и разнорабочими, а также трудились на производстве [Мухачев 2016, с. 177, 183]. Российские интеллигенты предпочитали оседать в крупных городах, поскольку все же надеялись получить работу по специальности и сообщая им было проще переносить тягости иммигрантского быта⁶.

Биолог К.И. Новиков, переехавший из Чехословакии в Аргентину, так писал о проблемах с поиском рабочего места по своей специальности:

По Праге, особенно по лаборатории, по привычной и любимой обстановке работы скучаю достаточно явно. Аргентина мне не нравится. <...> Жизнь рождает тяжелый конфликт: заработок, кажется, неизбежно требует отказа от своих научных планов и надежд⁷.

Для работы в сфере промышленности иммигрантам требовалось знание английского и французского языков, потому что заводы и фабрики Южной Америки находились под контролем европейских и американских корпораций. При этом местные правительства стремились предоставлять места в таких компаниях своим гражданам, а не россиянам⁸. Увеличить шансы российского эмигранта на получение высокооплачиваемой работы могла натурализация, к которой, однако, часто не прибегали, потому что некоторое время это рассматривалось как предательство родины – России [Бочарова 2017, с. 35].

Лишь незначительная часть переселенцев смогла получить работу, соответствующую квалификации. Кроме банкиров, владельцев ресторанов, ученых, адвокатов и врачей, русские иммигранты испытывали проблемы со средствами [Бочарова 2017, с. 34]. В 1930-х гг. около Буэнос-Айреса сформировалось целое поселение безработных выходцев из России⁹.

⁵ Там же.

⁶ Там же. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 84. Л. 3.

⁷ Цит. по: *Волошина В.Ю.* Ученый в эмиграции: проблемы социальной адаптации ученых-эмигрантов сквозь призму «персональной истории». Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 64–65.

⁸ ГАРФ. Ф. Р-5878. Оп. 1. Д. 1056. Л. 1.

⁹ Там же. Ф. Р-6378. Оп. 2. Д. 2. Л. 12.

Средняя зарплата русского иммигранта в Аргентине составляла от 100 до 200 песо¹⁰. Наибольшее жалование, зафиксированное в делопроизводственных источниках, составляло 800 аргентинских песо, минимальный оклад – 45 песо, на который было очень сложно прожить, потому что килограмм мяса или, например, сахара стоил один песо. Отметим, что для сносной жизни в Аргентине одному эмигранту без семейства нужно было минимум 130 песо, 65 из которых уходило на покупку продовольствия, 25 – на квартиру, 40 – на одежду. Для того чтобы прокормить семью с двумя детьми, необходимо было зарабатывать около 250 аргентинских песо¹¹.

Несмотря на трудности с трудоустройством, российские интеллигенты смогли внести свой вклад в развитие принявших стран. Весомая часть русской иммигрантской интеллигенции являлась представителями технических и точных наук – математиками или инженерами, что связано с тем, что многие из них служили в армии [Мосейкина 2016, с. 108–111].

Одним из таких инженеров являлся генерал А.В. фон Шварц, который в 1923 г. преподавал фортификацию в Высшей военной школе Буэнос-Айреса. На его счету было более 30 научных работ, связанных с инженерией и фортификацией, также он создал несколько важных изобретений, связанных с постройкой дорог. Как писал сам А.В. фон Шварц: «...всегда я стремился сделать для государства, в котором живу и работаю, что-либо полезное...»¹². Одним из основателей физико-математического факультета университета Асунсьона стал Н.Г. Кривошеин, он же был назначен его первым деканом [Мартынов 2006, с. 170].

Кроме того, стоит сказать о математике С.Л. Высоколяне, который в годы Гражданской войны являлся белым офицером. После переезда в Парагвай ученый возглавил кафедру физико-математических наук Высшей военной академии и Высшей морской академии [Мартынов 2006, с. 170]. В 1936 г. он стал почетным гражданином Парагвая и первым иностранцем, получившим звание генерала парагвайской армии [Мосейкина 2016, с. 110]. Еще одним известным в Парагвае математиком являлся военный инженер С.Н. Шишпанов, в честь которого названа одна из улиц Асунсьона [Мосейкина 2016, с. 110]. Инженер Н. Снарский принял активное участие в строительстве нового порта столицы Парагвая [Мартынов 2006, с. 170].

Среди иммигрантов выделяется персона известного физика, исследователя нелокальной квантовой теории Г.В. Ватагина. Он не был

¹⁰ Там же. Ф. Р-5916. Оп. 1. Д. 2. Л. 17; Там же. Ф. Ф. 6767. Оп. 1. Д. 84. Л. 1.

¹¹ Там же. Ф. Р-6767. Оп. 1. Д. 84. Л. 2.

¹² Шварц А.В., фон. Рассказы о жизни за границей. URL: <http://xxl3.ru/kadeti/shwarts.htm> (дата обращения 08.09.2023).

вынужден иммигрировать в Южную Америку, так как в Бразилию приехал из Италии по приглашению правительства, которое поставило перед исследователем задачу создать в университете Сан-Паулу физический факультет. Важно подчеркнуть, что в Бразилии 1930-х гг. только зарождалось изучение физики на университетском уровне, поэтому первые шаги ученого по приезду в Бразилию были направлены на создание теоретической базы данной науки [Перепиляк 2011, с. 97]. Г.В. Ватагиным были написаны несколько работ, посвященных методике преподавания физики в университетах.

Также Г.В. Ватагин занимался приглашением в Бразилию известных физиков с мировым именем (Дж. Оккиалини, Х. Юкава, А. Комптон) для преподавания в университете Сан-Паулу. Благодаря Г.В. Ватагину в Бразилии сформировалась физическая научная школа, а также была заложена база для создания Института физики космических лучей, который сейчас носит его имя [Мосейкина 2016, с. 111].

Помимо представителей технических и точных специальностей, успехов в Южной Америке добились и ученые естественнонаучного уклона.

Поиском и добычей нефти в Аргентине занимались А.М. Пятницкий и М. Архангельский. Помимо прочего, А.М. Пятницкий вел разработку добычи угля, во время которой им были найдены остатки редких видов ископаемых и животных, часть которых была названа в его честь¹³. С геологией также была связана работа российского исследователя Д.М. Каратеева, который с 1938 г. был профессором минералогии и металлургии в университете Лимы¹⁴.

Кроме того, среди российских иммигрантов в Южной Америке было несколько биологов и химиков. Б.Г. Подтягин является одним из известнейших орнитологов Парагвая. В работе «Систематический каталог птиц Парагвая» исследователь одним из первых попытался систематизировать информацию о птицах Парагвая [Шергалин 2014]. Помимо прочего, он некоторое время являлся директором Музея природы в Асунсьоне.

Одним из ярчайших примеров удачной профессиональной реализации российского интеллигента в Южной Америке является физиолог и антрополог А.А. Липшуц. Как и Г.В. Ватагин, в Южную Америку он прибыл по приглашению [Ульянова, Норамбуэна 2009, с. 173–176]. В 1926 г. исследователь перебрался в Чили, где занимался исследованиями в области эндокринологии и онкологии в уни-

¹³ Российское научное зарубежье: Биобиблиографический справочник / Ин-т науч. информ. по обществ. наукам РАН [и др.]; Ред.-сост. М.Ю. Сорокина. М.: Парад, 2011. С. 501.

¹⁴ Там же. С. 319.

верситете Консепсьона (1926–1936). Ученый руководил созданием Института экспериментальной медицины в Сантьяго, который возглавлял с 1937 по 1960 г. [Ульянова, Норамбуэна 2009, с. 173–176]. А.А. Липшуц являлся членом-корреспондентом Академии наук и Академии медицинских наук Чили, почетным членом научных обществ европейских и латиноамериканских стран, почетным профессором многих университетов.

В Чили российский исследователь стал пионером исследований физической и социальной антропологии коренного населения Чили. С 1940-х гг. А.А. Липшуц принимал активное участие в индихенистском движении Чили [Veto 2017, p. 110]. Имя А.А. Липшуца в настоящее время носит негосударственный научно-исследовательский и экспертный центр, основанный в Чили в 1983 г.

Кроме того, благодаря работе А.А. Липшуца советские читатели впервые познакомились с шедевром древнемайяского искусства – настенными росписями Бонапмака (конец VIII в.)¹⁵.

Фигура А.А. Липшуца несколько выделяется на фоне остальных эмигрантов, поскольку он придерживался марксистских взглядов и не разрывал связей с родиной. В 1944 г. он стал первым председателем Чилийско-советского института культуры, а в 1973 г. избран почетным доктором Института этнографии АН СССР¹⁶.

Сначала в Эквадоре, а затем в Аргентине обосновался М.М. Костевич – известный специалист по работе со взрывчатыми веществами. В Южной Америке М.М. Костевич занимался управлением пороховыми заводами. Позднее специалист был награжден золотой правительственной медалью за свой вклад в развитие аргентинской химической науки [Мосейкина 2016, с. 109].

Важно отметить деятельность Е.В. Антиповой, «выдающегося педагога Бразилии», по словам Б.Ф. Мартынова [Мартынов 2013, с. 38; Масоликова, Сорокина 2017], которая работала в области детской педагогики. Е.В. Антипова занималась организацией психологического образования и созданием школ для детей, нуждавшихся в социальной и психологической коррекции. В 1932 г. Е.В. Антипова стала создателем «Общества Песталоцци», которое оказывало помощь детям из неблагополучных семей и с проблемами развития. За свои заслуги перед бразильским обществом Елена Владимировна была награждена орденом Южного Креста, а также из рук президента страны получила медаль «За заслуги в сфере образования» [Мартынов 2013, с. 38]. Кроме того, стоит сказать о Г.И. Чеботареве, который

¹⁵ Липшуц А.А. Храм с настенной живописью в дремучем лесу (из истории древних майя) // Советская этнография. 1956. № 1. С. 59–71.

¹⁶ Латинская Америка: Энциклопедический справочник. В 2 т. / Гл. ред. В.В. Вольский. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1982. С. 139.

написал учебник географии Уругвая, по которому обучались многие уругвайские школьники [Мосейкина 2016, с. 111].

Несмотря на то что преобладающее число представителей российской интеллигенции в Южной Америке имело техническую или естественнонаучную специальность, ученые из социально-гуманитарных наук также смогли себя проявить.

Одним из них является генерал И.Т. Беляев, который, помимо прочего, был географом, этнографом и лингвистом. С 1924 по 1932 г. по поручению правительства Парагвая И.Т. Беляев занимался исследованием области Чако. Ученый первым составил подробную карту данного региона [Мартынов 2006, с. 121]. Кроме того, И.Т. Беляев изучал языки индейцев Чако и в дальнейшем стал активным защитником их прав¹⁷.

К.П. Малиновский (1887–1968), осевший в Перу, стал известным историком и археологом, специализирующимся на изучении культуры и искусства древнего Перу, работал в Национальном музее Перу в Лиме¹⁸. Его коллегой, изучавшим культуру древних перуанских обществ, был археолог Е.Н. Яковлев (1895–1934) [Шергалин 2015].

Исходя из вышесказанного, часть переселенцев сумела адаптироваться к новым социально-профессиональным условиям. Российские иммигранты внесли весомый вклад в развитие латиноамериканских точных (математика, физика, химия и др.) и социально-гуманитарных наук (история, археология, антропология и др.).

Итак, несмотря на то что большинство российских иммигрантов в Южной Америке были высокообразованными гражданами, представителями интеллигенции, из-за трудовой политики местных компаний и правительств они были вынуждены работать на самых низкооплачиваемых должностях, которые были далеки от их начальной специализации. Лишь единицам удалось найти работу по специальности, но после этого они стали одними из ведущих специалистов в своих областях.

Распространение переселенцами российского профессионального знания способствовало развитию трудовых отношений между местными и иммигрантами. Эти трудовые отношения можно рассмотреть в качестве обмена. Русские переселенцы, основываясь на своем опыте и умениях, способствовали развитию местной культуры, производства и науки. В ответ они могли претендовать на улучшение материальных условий. Таким образом, зарождался взаимовыгодный союз российского иммигрантского и местного латиноамериканского сообщества.

¹⁷ Стогов Н.Н. Парагвай и русские офицеры // Часовой. Брюссель. 1936. № 174. С. 16.

¹⁸ Российское научное зарубежье: Библиографический справочник. С. 408.

Литература

- Баркова 2012 – *Баркова О.Н.* Женщины русского зарубежья (1917–1939 гг.): сохранение национально-культурной идентичности // Вестник Моск. ун-та. Серия 8. История. 2012. № 5. С. 108–127.
- Бочарова 2016 – *Бочарова З.С.* Феномен зарубежной России 1920–1930-х годов и его основные факторы // Берегиня. 777. Сова. 2016. № 2 (20). С. 79–91.
- Бочарова 2017 – *Бочарова З.С.* Особенности адаптации русской эмиграции 1920–1930-х годов // Русское зарубежье. 2017. № 6. С. 28–39.
- Заболоцкий 2009 – *Заболоцкий Ж.А.* Русская иммиграция в Бразилии. «В долгий путь надежды». Santa Rosa: Grafica Coli e Editora Ltda, 2009. 164 с.
- Зеленин 2015 – *Зеленин А.А.* «Исход» из России: первая волна эмиграции // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 2–6 (62). С. 263–266.
- Мартынов 2006 – *Мартынов Б.Ф.* Русский Парагвай. Повесть о генерале Беляеве, людях и событиях прошлого века. М.: Воениздат, 2006. 239 с.
- Мартынов 2013 – *Мартынов Б.Ф.* Великий педагог Бразилии // Родина. 2013. № 10. С. 35–38.
- Масоликова, Сорокина 2017 – *Масоликова Н.Ю., Сорокина М.Ю.* Русский апостол Бразилии: психолог Елена Антипова // Международная жизнь. 2017. № 15. С. 97–119.
- Мосейкина 2011 – *Мосейкина М.Н.* Рассеяны, но не расторгнуты: русская эмиграция в странах Латинской Америки в 1920–1960 гг. М.: РУДН, 2011. 383, [1] с.
- Мосейкина 2012 – *Мосейкина М.Н.* Русская эмиграция в Бразилии в первой половине XX века: проблемы межкультурного взаимодействия и сохранения национальной идентичности // Россия – Бразилия: транскультурные диалоги: Колл. монография. М.: Ленанд, 2012. С. 76–96.
- Мосейкина 2016 – *Мосейкина М.Н.* Российское научное зарубежье в странах Латинской Америки и его культурно-историческое наследие // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: Сб. науч. трудов. Москва, 09–10 октября 2014 г. М.: Ин-т Российской истории РАН, 2016. С. 106–119.
- Мухачев 2016 – *Мухачев Ю.В.* Из истории становления русской общины на латиноамериканском континенте // Русское зарубежье: история и современность: Сб. статей / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред.-сост. вып. Ю.В. Мухачев, Т.Г. Петрова. М.: Ин-т науч. информации по общественным наукам РАН, 2016. С. 174–194.
- Парчевский 1936 – *Парчевский К.К.* В Парагвай и Аргентину: Очерки Южной Америки. Париж: изд. авт., 1936. 304 с.
- Перевиляк 2011 – *Перевиляк Г.П.* Русский след в атомной программе Бразилии // Латинская Америка. 2011. № 8. С. 95–100.
- Ульянова, Нораambuэна 2009 – *Ульянова О.В., Нораambuэна К.* Русские в Чили. Сантьяго: Usach, 2009. 423 с.

- Шергалин 2014 – *Шергалин Е.Э.* Борис Георгиевич Подтягин (1892–1959) – орнитолог, энтомолог и директор Музея Научного общества Парагвая в Асунсьоне // *Русский орнитологический журнал*. 2014. Т. 23. № 1020. С. 2071–2091.
- Шергалин 2015 – *Шергалин Е.Э.* Евгений Никандрович Яковлев (1895–1934) – почти забытый в России перуанский археолог и этноорнитолог // *Русский орнитологический журнал*. 2015. Т. 24. № 1186. С. 3209–3216.
- Veto 2017 – *Veto S.* Psychoanalysis and Marxism in Chile. Two case studies: Juan Marin Rojas and Alejandro Lipschutz // *Psychoanalysis and History*. 2017. № 19 (1). P. 99–120.

УДК 338.45:622.32
ББК 338.45:622.32

К.С. Шевякова

Регионы добычи энергоресурсов в экспертных оценках ученых-нефтяников 1920–1940-х гг.: механизмы коммуникации в нефтяном сообществе

Статья характеризует «научный» вектор внешней политики СССР в нефтегазовой отрасли в 1920–1940-х гг. В фокусе исследования – экспертиза советскими нефтяниками мировых регионов нефтедобычи с точки зрения их потенциала для развития национальной промышленности и понимания конъюнктуры рынка. Изучение механизмов коммуникации в нефтяном сообществе позволяет наглядно продемонстрировать, каким образом советские специалисты выходили на различные регионы добычи энергоресурсов и изучали их. Исследование конкретных сюжетов на основе широкого комплекса документации из фондов Российского государственного архива экономики (РГАЭ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ) в совокупности с уже опубликованными работами открывают новые перспективы для изучения «нефтяного» фактора, обострившегося во внешней политике СССР в 1940-е гг.

Ключевые слова: сообщество нефтяников, нефтегазовая отрасль, нефте-разведка, нефтедобыча, мировые нефтяные рынки, СССР, Венесуэла, Англия, США, Румыния

Важным условием устойчивости научных сообществ является возможность поддержания международных научных связей и обмена научными знаниями. Однако период Революции и Гражданской войны повлиял не только на внутреннюю сторону жизни общества, но и на международное положение СССР: культурные и научные связи оказались прерваны или временно приостановлены. На передний план вышли личные контакты представителей российской науки с мировым научным сообществом. Ученые искали различные способы взаимодействия с заграничными коллегами. Так, созданный в 1920 г. научно-технический журнал «Нефтяное и сланцевое

© Шевякова К.С., 2023

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ №20-78-10095-П, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

хозяйство» уже в первые годы своего существования стал информационным мостом между отечественными и зарубежными учеными, инженерами-нефтяниками и нефтегазовыми отраслями в целом. Позднее на базе редакции журнала было создано Научно-издательское бюро [Совета нефтяной промышленности, далее – СНП].

Ю.В. Евдошенко в книге «Неизвестное “Нефтяное хозяйство”. 1920–1941 гг. Очерки по истории нефтяной промышленности СССР и отраслевого научно-технического журнала» указывает:

Отечественные инженеры-нефтяники (геологи, технологи) были заинтересованы в ликвидации информационного вакуума, образовавшегося в результате длительных военных, социально-политических и экономических потрясений... Члены редколлегии журнала И.М. Губкин и И.Н. Стрижов были большими сторонниками внимательного изучения передового зарубежного, в частности американского, опыта ведения нефтяного хозяйства. Было решено организовать реферирование статей иностранных авторов по проблемам нефтяной промышленности. В сентябре 1922 г. началась активная переписка с редакциями иностранных журналов и горными учреждениями других стран¹.

Однако не все периодические издания и организации отвечали на просьбу об обмене научной литературой и публикациями, поэтому часть изданий выписывалась через советско-британское отделение фирмы «Аркос», а часть – через сеть привлеченных корреспондентов, работавших по всему миру². Одним из зарубежных корреспондентов журнала «Нефтяное хозяйство» и Научно-издательского бюро СНП, писавшим большинство статей под псевдонимом «А. Лев», был инженер-нефтяник Моисей Миронович Тропп, эмигрировавший в США. Основываясь на его переписке с работниками СНП, можно выявить наиболее актуальные вопросы, стоявшие перед советскими нефтяниками, а также определить те страны американского континента, опыт и положение нефтегазовых отраслей которых особенно волновали советских специалистов. Необходимо отметить, что использование зарубежного опыта в большинстве случаев происходило в условиях адаптации к специфике советской нефтяной промышленности, в частности месторождений, инфраструктуры, типу нефтяного сырья и т. д.

В первую очередь ученых-нефтяников интересовал опыт Соединенных Штатов, в частности информация о современных трубопро-

¹ Евдошенко Ю.В. Неизвестное «Нефтяное хозяйство». 1920–1941 гг. Очерки по истории нефтяной промышленности СССР и отраслевого научно-технического журнала. М., 2010. С. 96.

² Там же.

водах и их прокладке, об оборудовании экспортных гаваней, о промышленных типах крекинга нефти и т. д. Занимательным сюжетом переписки с М.М. Троппом является письмо [от 29.03.1925 г. предположительно. – К. Ш.], где адресант, работник СНП, задается следующими вопросами:

Является ли Миссисипи нефтяной артерией наподобие Волги? Как мне кажется, нет. Но почему? Почему не качают нефть до Миссисипи по нефтепроводу и не спускают по реке Гольфа? Или почему не строят больших заводов на среднем Миссисипи и не спускают готовых продуктов?³

Помимо технических вопросов, советские специалисты собирали сведения экономического характера: изучали карты месторождений США и объемы добычи нефти, движение цен; емкость рынка для нефтяных продуктов в разных странах; данные по экспорту нефти и нефтепродуктам США, информацию о крупнейших сделках в нефтегазовой отрасли и др.⁴

Взгляд советских нефтяников был обращен и на государства Латинской Америки, в частности Мексику, Аргентину, Колумбию, Венесуэлу и т. д., что было обусловлено тем, что данные страны в той или иной степени находились в сфере влияния Соединенных Штатов, тем самым представляя особый экономический и политический интерес.

В переписке работников Совета нефтяной промышленности с авторами есть письмо следующего содержания [предположительно 1923 г. – К. Ш.]:

М.М. Троппу... Ваша статья о нефти в Южной Америке для «Нефтяного и Сланцевого Хозяйства» для нас очень желанна.

Статья была бы очень ценна, как сводка разведочных и эксплуатационных работ по настоящее время в Перу, Колумбии, Венесуэле, Аргентине, Панаме и др. Желательна была бы также геологическая и географическая и химическая характеристика месторождений. Ваши экспортные обзоры вполне нас удовлетворяют.

С нетерпением жду издания Нефтяного Института, которое должно содержать ценнейшие материалы. Библиотека Совета Нефтяной Промышленности просит выслать экземпляр и для нее /адрес наш/...⁵

Впоследствии ракурс сместился на Мексику и Венесуэлу, хотя другие страны Латинамериканского региона не пропадали из поля зрения советских ученых и специалистов. В случае с Мексикой дан-

³ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 70. Л. 155.

⁴ Евдошенко Ю.В. Указ. соч. С. 107–108.

⁵ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 70. Л. 161.

ное обстоятельство объяснялось рекордными цифрами добычи нефти в 1921 г.: 26,5 млн тонн, что покрывало четверть мировой потребности. Несмотря на падение добычи нефти в последующие годы и снижение общего уровня успешных открытий месторождений, объем поисковых работ не снижался, наоборот, «в период с 1924 по 1927 г. включительно было пробурено в 5 раз больше скважин, чем за весь разведочный период до 1921 г.»⁶ Французский геолог-нефтяник А. Перродон в книге «История крупных открытий нефти и газа» указывал: «Спад буровых работ, отмеченный в Мексике в 1926 г., можно частично объяснить открытиями месторождений, сделанными в то время в Венесуэле и США»⁷. Кроме того, ученый писал об увеличении затрат, связанных с нефтедобычей в Мексике, а также отмечал тот факт, что крупные нефтяные компании считали наиболее прибыльными поисково-разведочные работы в Венесуэле, особенно после 1927 г.⁸

Необходимо отметить, что компании не ушли из Мексики и продолжили вести нефтедобычу, о чем свидетельствует письмо М.М. Троппа С.Д. Богдановскому от 30 января 1927 г.:

Вы, наверное, следите за крупными нефтяными компаниями в Америке, поэтому сообщаю Вам, что Компания Mexican Panuco Oil Co[rporation] переименовала свое название на *Intercontinent Petroleum Corporation*. Это потому, что эта компания имеет интересы в Южной Америке⁹.

Тем не менее Венесуэла как нефтедобывающая страна стала более привлекательна для зарубежных нефтяных компаний.

Интересно, что в начале 1920-х гг. поисково-разведочные работы в Венесуэле не приносили компаниям желаемых результатов, но вскоре ситуация изменилась. На площади Лос-Барросос забил нефтяной фонтан, эта сенсация послужила толчком к развитию нефтедобывающей промышленности Венесуэлы. При этом в Мексике в это же время начался период поисково-разведочных неудач, что также благоприятно повлияло на нефтепромышленность Венесуэлы¹⁰.

На страницах журнала «Нефтяное и сланцевое хозяйство» информация о Венесуэле начала появляться с апреля 1923 г. В статье-хронике под названием «Нефтяная промышленность заграницей» составители упоминали возникновение нового центра нефтя-

⁶ Перродон А. История крупных открытий нефти и газа / Пер. с фр. М.И. Бурцева и др.; Под ред. Г.А. Былевского. М., 1994. С. 63.

⁷ Там же. С. 64.

⁸ Перродон А. Указ. соч. С. 64.

⁹ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 97. Л. 23.

¹⁰ Перродон А. История крупных открытий нефти и газа. С. 55.

ной промышленности в Венесуэле, что привело к образованию в Нью-Йорке общества “*World Commerce Corporation*”, созданного для «эксплуатации нефти в указанных странах [Венесуэла, Центральная Америка. – К. III.], а также для организации вывоза добываемой там нефти морем»¹¹. В работе «Мировая нефтяная промышленность в 1923 г.» одного из первых экономистов-нефтяников С.Д. Богдановского отмечается, что в 1923 г. такого темпа роста добычи нефти, как в Венесуэле, не было ни в одной нефтедобывающей стране в указанный период. При этом такой темп нельзя считать форсированным, так как в определенных условиях темпы добычи могли бы быть еще выше¹².

Из переписки работников Совета нефтяной промышленности с авторами, в частности с М.М. Троппом, видно, что с годами интерес к Венесуэле только рос. С помощью Моисея Мироновича советские специалисты смогли на какое-то время подписаться на издававшийся в Нью-Йорке журнал “*Venezuelan Monthly News Letter*”, но из-за увеличения подписной платы до 25 долларов и невнесения дополнительного платежа сверх первоначальной подписной платы они перестали получать вышеуказанный журнал¹³. Тем не менее в нем содержались важные производственные статические данные по добыче нефти, бурению скважин, объему экспорта и т. д. в Венесуэле и других нефтедобывающих странах Латинской Америки и др., поэтому было принято решение восстановить подписку с первого января 1927 г., а недостающие данные получить в качестве обзора от М.М. Троппа¹⁴. По всей видимости, возобновление подписки заняло время, так как С.Д. Богдановский в письме Моисею Мироновичу от 9 февраля 1927 г. писал:

Что касается южно-американского журнала, то последний номер, который мы имеем – ноябрьский, поэтому сведений из номеров 1926 г. Вы нам не присылайте. Что же касается 1927 г., то буду с нетерпением ждать месячной статистики южно-американского журнала, если только Вы сможете мне ее прислать¹⁵.

Также в декабре 1926 г. в журнале «Нефтяное и сланцевое хозяйство» вышла статья советского геолога А.Л. Любимова, посвященная

¹¹ Автор неизвестен. Нефтяная промышленность за границей: хроника // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1923. № 6. С. 929.

¹² Богдановский С.Д. Мировая нефтяная промышленность в 1923 г. // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1924. № 4. С. 730.

¹³ РГАЭ. Ф. 3987. Оп. 1. Д. 97. Л. 1.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Там же. Л. 22.

развитию нефтяной промышленности Венесуэлы и обзору ее месторождений¹⁶. С первых строк становится ясно, какое значение советские специалисты придавали нефтедобывающей отрасли страны:

В балансе мировой нефтепромышленности ближайших лет венесуэльской [венесуэльской] нефти придется, несомненно, сыграть выдающуюся роль... – пишет автор, – мы имеем дело с единицей мирового порядка¹⁷.

Взяв во внимание предварительную геологическую подготовку, объемы добычи нефти, охват геологоразведочных работ, способы эксплуатации месторождений, а также местонахождение Венесуэлы, А.Л. Любимов спрогнозировал дальнейшее усиление интереса к стране со стороны зарубежных компаний, в особенности американских, так как стоимость провоза нефти от Маракайбо с перегрузкой на о. Арубе до Нью-Йорка дешевле по сравнению с доставкой из штата Оклахома или Калифорнии¹⁸.

Конечно, были и другие нефтедобывающие центры, в частности Великобритания, Франция, Иран, Индия, Польша, Румыния и т. д., за развитием которых следили советские специалисты. На последней стране необходимо остановиться подробнее, так как Румыния является самой старой страной, с давних пор использующей промышленные способы добычи нефти.

17 июля 1945 г. было учреждено советско-румынское акционерное общество «Совромпетроль». На период 1948 г. из всего количества нефти, добываемой в Румынии, 64% принадлежали обществам с английским, американским и итальянским капиталом, 31% принадлежал советско-румынскому акционерному обществу «Совромпетроль»¹⁹. Для данного периода (1945–1948 гг.) добычи нефти был характерен спад и чтобы понять причины этого спада, советское правительство в феврале 1948 г. создало комиссию специалистов нефтяников, которая на месте ознакомилась с состоянием нефтяной промышленности и подготовила предложения о повышении добычи нефти в Румынии²⁰. Результаты исследований были представлены в письме Л.П. Берии, являвшемуся с 1942 г. «куратором нефтяной про-

¹⁶ Любимов А.Л. Нефтяная промышленность Венесуэлы // Нефтяное и сланцевое хозяйство. 1926. № 11–12. С. 807–812.

¹⁷ Там же. С. 807.

¹⁸ Любимов А.Л. Указ. соч. С. 812.

¹⁹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50 а. Д. 960. Л. 102.

²⁰ Там же.

мышленности», советскими учеными В. Беленьким и Н. Титковым. В нем они сообщили также и о причинах падения добычи нефти: системное отставание геологопоисковых работ и глубокого разведочного бурения, в результате чего не была обеспечена подготовка новых нефтяных месторождений (разведочное бурение составило только 13% от всего объема бурения за последние 10 лет [на момент 1948 г. – *К. III.*]); преждевременное истощение нефтяных месторождений, что стало результатом полного отсутствия принципов рациональной эксплуатации недр (запасы нефти советские ученые оценили в 70 млн т)²¹. В качестве предложений по увеличению добычи нефти ученые назвали: выполнение 800 тыс. метров эксплуатационного и 445 тыс. метров разведочного бурения; увеличение бурового, эксплуатационного и энергетического оборудования за счет производства указанного оборудования на 50 машиностроительных заводах Румынии, на которых уже производилось на тот момент нефтяное оборудование, а то, что не производилось, они предлагали импортировать в течение 1948–1950 гг. из СССР (трубы обсадные, тракторы тяжелые, автомашины грузовые). Объем капиталовложений для повышения добычи нефти в 6 млн т составлял, по подсчетам ученых, 189,3 млн долларов, полный возврат которых планировалось произвести примерно в течение 5 лет²².

Таким образом, для обеспечения увеличения добычи нефти в Румынии советские ученые разработали производственно-технические и организационные мероприятия, которыми предусматривалось направление и объем геолого-поисковых и буровых работ, оснащение бурения современным буровым оборудованием, установление правильных технологических режимов для экспортирующихся скважин, реконструкция нефтеперерабатывающей промышленности и ряд организационных мероприятий по упорядочению обслуживания нефтепромыслового хозяйства²³.

Советское правительство разрешило ученым передать их предложения правительству Румынии, за исключением предложения о внедрении в Румынии метода турбинного бурения, так как боялось, что оно может стать достоянием разведки иностранных государств и в первую очередь США²⁴.

Также интересен тот факт, что предложения ученых были подготовлены «в связи с предстоящей национализацией нефтяной про-

²¹ Там же. Л. 102–101.

²² Там же. Л. 101.

²³ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 50 а. Д. 960. Л. 101.

²⁴ Там же. Л. 94.

²⁵ Там же.

мышленности» Румынии²⁵. Национализация нефтяной промышленности в Румынии была проведена коммунистическим режимом в 1948 г. Перродон отмечает:

...[она] дала новый толчок развитию разведочных работ. Годовой метраж поисковых скважин увеличился до 40 тыс. м в 1947, в 1950 г. метраж увеличился до 200 тыс. и 900 тыс. м в 1968 г. Также заметно возросла добыча нефти с 4 млн в 1947 г. до 10 в 1955 г.²⁶

При этом значительная доля прироста, как пишет ученый, приходилась на старые месторождения района Плоешти, переоснащенные новым эксплуатационным оборудованием. Эти данные косвенно подтверждают тот факт, что предложения советских ученых были внимательно изучены и применены на практике.

Таким образом, в центре внимания советских нефтяников находились научно-технические вопросы, а также задачи экономического характера, среди которых можно назвать составление широкой картины экспортных рынков с точки зрения интересов СССР как нефтеэкспортера; нефтяная политика разных стран; перспективы и объемы добычи в зарубежных странах и др.; крупные сделки в нефтедобывающей отрасли; существующие проблемы в отрасли интересующих стран и др. Отдельным направлением внешней политики СССР в нефтегазовой отрасли было научно-техническое сотрудничество.

²⁶ Перродон А. Указ. соч. С. 182.

История науки

УДК 001.89
ББК 001.89

В.В. Слискова

«При вышесказанных обстоятельствах я не являюсь ответственным»: один случай из жизни Института экспериментальной биологии ГИНЗ (1929 г.)

В статье рассматриваются и публикуются документы, акт и докладная записка к нему, сохранившиеся в фонде Института экспериментальной биологии (ИЭБ) в Архиве Российской академии наук (РАН) и иллюстрирующие такой аспект обеспечения научной работы института, как снабжение питомника для лабораторных животных необходимыми продуктами. С первых лет работы в ИЭБ действовал питомник, организованный директором института Н.К. Кольцовым для обеспечения потребностей отделов института в лабораторных животных. На протяжении 1920-х гг. питомник ИЭБ, по мере улучшения условий работы и увеличения объемов финансирования, расширился и пополнялся новыми видами животных, и к 1929 г. представлял собой полноценный отдел института, требовавший внимательного ухода и снабжения ресурсами. Однако несмотря на предпринятые руководством меры по обеспечению питомника необходимым персоналом, помещениями и фуражом, в истории ИЭБ встречаются эпизоды, иллюстрирующие неудачи в данном направлении. Публикуемые документы свидетельствуют об одном таком случае, произошедшем в ИЭБ весной 1929 г. Так, в мае в результате проверки запасов соломы, сена и овощей, хранившихся в постройках на территории института на Воронцовом поле, помощником завхоза Р.Е. Беккером был выявлен серьезный недостаток. По его мнению, причиной произошедшего стало халатное отношение новой заведующей хозяйством М.П. Лебедевой. Подробное описание предшествовавших происшествию событий Р.Е. Беккер привел в докладной записке, которую приложил к составленному в тот же день акту с актуальным количеством продуктов. Публикуемые в статье акт и докладная записка являются единственными источниками, зафиксировавшими данный сюжет из истории ИЭБ.

Ключевые слова: Институт экспериментальной биологии, питомник, лабораторные животные, Н.К. Кольцов, Р.Е. Беккер

© Слискова В.В., 2023

Публикация подготовлена при поддержке гранта РНФ №20-78-10095-П, проект «Советская наука как индустрия: кадры, инфраструктура, организационно-управленческие практики (1920–1970-е гг.)».

В 1920-х гг. Институт экспериментальной биологии (далее – ИЭБ), действовавший в составе Государственного института народного здравоохранения (далее – ГИНЗ) Наркомздрава (НКЗ) РСФСР, являлся одним из ведущих научно-исследовательских центров страны [Помелова 2022, с. 194–195]. Его научная работа началась с момента его основания в 1917 г. в составе Московского научного института в 1917 г. [Горелова 2017, с. 252], когда ИЭБ получил помещения в доме № 41 в переулке Сивцев Вражек и лабораторное оборудование: «он (институт – В. С.) размещался в трех комнатах, правда, больших и хорошо оборудованных» [Астауров, Рокицкий 2021а, с. 258]. Однако не менее важным для обеспечения полноценной работы института являлось учреждение при нем вивария¹, в котором содержались бы животные, необходимые для экспериментальной исследовательской работы ученых: «Уже со времени организации ИЭБ Кольцов поставил своей целью начать экспериментальные <...> исследования на животных <...>» [Астауров, Рокицкий 2021б, с. 238]. Так, вопрос, связанный с организацией вивария, а затем питомника, и обеспечением нужд последнего, будет сохранять актуальность на протяжении всего периода 1920-х гг., когда ИЭБ входил в состав ГИНЗ НКЗ.

С первых лет работы в ИЭБ действовал виварий, созданный директором Н.К. Кольцовым для содержания необходимых лабораторных животных: «Когда я приступил к организации ИЭБ, я в первую очередь обратил внимание на создание необходимой обстановки для ведения таких работ. При институте были устроены рассадники кур, голубей, кроликов, морских свинок, мышей и крыс»² [Астауров, Рокицкий 2021б, с. 238]. Однако тяжелая бытовая ситуация конца 1910-х – начала 1920-х гг.³ не позволяла в полной мере обеспечить соответствующие условия для содержания животных в городе, поэтому значительная часть вивария была переведена в 1919 г. на Аниковскую опытную станцию [Помелова 2022; Астауров, Рокицкий 2021б], располагавшуюся в Звенигородском уезде: «...скоро выяснилось, что в пределах города Москвы содержать большое количество опытных животных трудно и дорого... <...> ...Чтобы спасти начатые работы,

¹ В ряде документов фигурировало также наименование «питомник» как тождественное «виварию».

² *Кольцов Н.К.* Как изучаются жизненные явления: Очерк десятилетней работы Института экспериментальной биологии в Москве. М.: Гос. мед. изд-во, 1928. С. 33.

³ «В самом институте работы в 1918 и 1919 гг. велись из-за нехватки средств в очень тяжелых условиях и зимою совсем приостанавливались, помещение почти замерзло». См.: *Кольцов Н.К.* Институт экспериментальной биологии // Николай Константинович Кольцов: Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. С. 271.

пришлось перенести рассадник за город»⁴. В 1919 г. между ИЭБ и Наркомдзравом был заключен договор, согласно которому институт на базе вивария «устраивал на своей Звенигородской опытной станции питомник морских свинок и кроликов» с целью снабжения животными учреждения комиссариата⁵ [Слискова 2022]. Взамен НКЗ обязывался оплачивать получаемых им животных по актуальным ценам, которые определялись стоимостью фуража и иных расходов на их содержание⁶. Таким образом, благодаря работе вивария ИЭБ в 1919 – начале 1920-х гг. лабораторными животными по мере возможности снабжались не только отделы института, но и учреждения НКЗ.

Позднее, с переездом института в 1925 г. в новое здание на Воронцовом поле (дом № 6), городская часть питомника расширилась благодаря приобретению более просторных помещений. В отчете о работе за период с октября по декабрь 1924 г. Н.К. Кольцов отмечал, что в новом здании в первую очередь были отремонтированы «надворные постройки», куда в скором времени планировалось перевезти лабораторных животных⁷. К концу 1920-х гг. в питомнике ИЭБ содержались не только кролики, морские свинки и мыши, но и более крупные животные и, кроме того, земноводные и рыбы:

Прежние гаражи во дворе превращены в так называемые «виварии», где содержатся сотни опытных крыс, мышей, морских свинок, кроликов, собак и кур; есть также опытные овцы и обезьяны. В так называемых «террариумах» и «аквариумах» имеются большие запасы лягушек, аксолотлей, разных рыб и т. д. В большом саду при здании разведены плантации шелковичных деревьев, и в садовой беседке в теплое время года воспитываются для научных опытов десятки тысяч шелковичных червей и других близких форм⁸.

В контексте обеспечения непрерывной работы ИЭБ уход за подопытными животными являлся важной задачей, выполнение которой было возложено на лабораторных служителей и служителей при вивариях. Однако данные обязанности нередко, особенно в первые годы функционирования института, приходилось выполнять самим научным сотрудникам ввиду нехватки персонала и скромного финансирования, что негативно сказывалось на результатах научной работы: «...неблагоприятным моментом является недостаток в ли-

⁴ Там же.

⁵ ГАРФ. Ф. А-482. Оп. 4. Д. 142. Л. 7–7 об.

⁶ Там же.

⁷ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 10. Л. 5.

⁸ Кольцов Н.К. Как изучаются жизненные явления... С. 6.

цах, всецело занятых лабораторными животными, как своей основной работой»⁹. Несмотря на то что в 1920-х гг. в институте работали от двух до четырех служителей [Слискова 2022, с. 279–281], ввиду частой сменяемости сотрудников руководство регулярно занималось поиском новых кандидатов, которые имели бы представление об уходе за такими животными, подготовке их к экспериментам и т. д.¹⁰ Кроме того, на ставки служителей периодически оформлялись сотрудники, работа которых относилась к сфере других отделов института. Так, например, в 1926 г. ввиду крайней «потребности» на одну из должностей была оформлена хирургическая сестра Н.С. Лебедева, в то время как часть обязанностей служителя «приняли на себя лично» научные сотрудники¹¹. Таким образом, функции по уходу за лабораторными животными на протяжении всего периода 1920-х гг. распределялись между всеми сотрудниками ИЭБ, как вспомогательными, так и научными.

Однако среди общего числа работников института, обслуживавших нужды вивариев и питомника, следует выделить заведующего хозяйством Р.Е. Беккера, в чьи обязанности также входило обеспечение необходимых условий в питомнике. Например, он планировал запасы продовольствия и «хлебофуражных продуктов» для питомника¹², занимался приобретением клеток для животных¹³, а также принимал участие в работе комиссии по выявлению причин распространения инфекции в питомнике¹⁴. Отметим, что в воспоминаниях учеников Н.К. Кольцова, биологов Б.Л. Астаурова и П.Ф. Рокицкого, имя Р.Е. Беккера стоит в ряду сотрудников, «без участия и помощи [которых] не обходилась ни одна научная работа» и имя которого «надолго осталось в памяти тех, кто работал в ИЭБ» [Астауров, Рокицкий 2021а, с. 264]. Несмотря на то что в первых числах января 1929 г. Р.Е. Беккер был переведен на должность помощника заведующего хозяйством ИЭБ¹⁵, а на должность заведующей хозяйством была назначена М.П. Лебедева¹⁶.

⁹ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 6. Л. 4.

¹⁰ Из объявления, направленного заместителем директора ИЭБ В.Н. Лебедевым на Биржу труда: «Как непременное условие кандидат должен... <...> ...владеть методикой ухода и наблюдения за мелкими опытными животными... <...> ...подготавливать их для операций» (АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 21. Л. 11).

¹¹ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 15. Л. 4.

¹² См., напр.: АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 20. Л. 73.

¹³ См., напр.: Там же. Д. 22. Л. 47.

¹⁴ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 22. Л. 27.

¹⁵ Там же. Д. 25. Л. 1.

¹⁶ Там же. Л. 11. М.П. Лебедева занимала должность заведующей хозяйством ИЭБ с весны до декабря 1929 г. // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 22. Л. 70.

В течение первых месяцев работы под руководством М.П. Лебедевой Р.Е. Беккер исправно исполнял обязанности, возложенные на него в связи с переходом на более низкую должность. Однако уже в мае 1929 г. между начальницей и подчиненным произошел конфликт, о котором стало известно из докладной записки, составленной Р.Е. Беккером в дополнение к акту о передаче продовольствия, сена и соломы заведующему питомником ИЭБ Г.П. Зенину. Причиной конфликта стало недостаточно внимательное, по мнению Р.Е. Беккера, отношение М.П. Лебедевой к хранению приобретенных институтом для питомника сена и соломы. По его сведениям, приобретенные «продукты» изначально были сложены на хранение в непригодное помещение, о чем он сразу же предупредил как заведующую, так и руководство:

Указанная солома и сено были куплены, доставлены и сложены по распоряжению т[оварища] Лебедевой в сарае, каковое помещение вполне оказалось непригодным для этой цели ввиду сырости этого помещения, о чем я своевременно сообщил как администрации, так и т[оварищу] Лебедевой... <...> ...при чем, указывая на отсыревшие кипы соломы, просил дать мне людей и помещение, чтобы высушить таковую¹⁷.

Далее Р.Е. Беккер указывает на несвоевременно принятые меры заведующей, которые усугубили ситуацию и привели к еще большей порче сена и соломы, и в подтверждение цитирует слова М.П. Лебедевой:

...Лебедева без моего ведома распорядилась о том, чтобы все кипы соломы были вынесены из сарая наружу... <...> На мое предупреждение, что барометр падает и можно ожидать скорого дождя мне было через заведующего питомником отвечено (это подтвердили и техн. служащие), что соломе дождь не повредит: «пускай промоет ее», что это и высказывала заведующая хозяйством т[оварищ] Лебедева¹⁸.

Серьезным последствием, по мнению Р.Е. Беккера, было не только то, что на сушку соломы, которая могла потребоваться в любой момент, было необходимо потратить еще большее количество времени (четыре дополнительных дня), но и то, что для ее просушивания пришлось пригласить «сотрудницу с биржи». Кроме того, в то время, пока сарай, в котором складировалась солома, оставался

¹⁷ Там же. Л. 42.

¹⁸ Там же.

незапертым в целях просушивания последней, часть ее была использована без ведома завхоза и Р.Е. Беккера. В конечном итоге общая потеря соломы составила более 770 кг, что составило примерно треть от изначального запаса, а недостача сена – 300 кг. Ввиду изложенного Р.Е. Беккер обратился к руководству ИЭБ с просьбой не возлагать на него ответственность за допущенные потери:

Считаю, что при вышесказанных обстоятельствах я не являюсь ответственным за сено и солому, которые мною не покупались и не принимались и наблюдение за которыми т. Лебедева приняла на себя, что объясняется ее распоряжениями (без моего ведома)...¹⁹

Кроме того, в докладной записке Р.Е. Беккером упоминается факт обмена между ИЭБ и Биохимическим институтом, который тоже входил в состав ГИНЗ в 1920-х гг., продовольственными запасами по причине невозможности приобретения таковых на рынке:

Излишек овса и недостача овощей объясняется тоже тем обстоятельством, что в ноябре-месяце, когда на рынках отсутствовали указанные продукты наш институт заимообразно уступил соседнему Биохимическому институту один мешок моркови и наш институт взял от Биохимического института 48 кг овса...²⁰

Таким образом, в составленной Р.Е. Беккером докладной записке приведены сведения, касающиеся обеспечения такой важной структурной единицы ИЭБ, как питомник, в котором производились лабораторные животные, необходимые для научной работы всех отделов института.

Публикуемые документы представляют собой акт и докладную записку к нему, иллюстрирующие один из аспектов повседневной жизни Института экспериментальной биологии, который в 1920-х гг. являлся одним из ведущих научно-исследовательских учреждений страны. Документы публикуются по современным правилам правописания, с сохранением стилистических особенностей источников. Сокращения раскрыты в квадратных скобках; опечатки исправлены и не оговариваются. Сведения об отдельных лицах установить не удалось.

¹⁹ Там же.

²⁰ АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Л. 42 об.

№ 1

АКТ

Г[ород] Москва мая 18 дня 1929 г[ода] мы, нижеподписавшиеся пом[ощник] завхоза Института Экспериментальной Биологии Народного Комиссариата Здравоохранения Беккер Р[оман] Е[горович]²¹ и зав[едующий] питомником того же Института Зенин Г[ерасим] П[рокофьевич]²² составили настоящий акт о следующем:

Пом[ощник] завхоза [Р.Е.] Беккер сдал, и зав[едующий] питомником [Г.П.] Зенин принял нижепоименованные продукты:

- 1) овес 1425 (к[г]) одна тысяча четыреста двадцать пять;
- 2) пшено 81 (к[г]) восемьдесят один;
- 3) семечки 21 (к[г]) двадцать один;
- 4) свекла 1681 (к[г]) тысяча шестьсот восемьдесят один;
- 5) морковь 238 (к[г]) двести тридцать восемь;
- 6) солома 55 ([кип]) и по 33 (к[г]) 1815 тысяч[а] восемьсот пятнадцать²³;
- 7) сено 25 ([кип]) по 37 к[г] 925 девятьсот двадцать пять.

По мнению присутствующих, свекла годна к употреблению в количестве 90–95%, а морковь 70–75%.

Сдал пом[ощник] завхоз[а] Р. Беккер²⁴

Принял зав[едующий] питомником Г. Зенин²⁵

При сдаче присутствовали:

от Месткома – [нарзб] Николаев;

от рабочих – Е. Егорова²⁶;

Вышеуказанное сдал в указанном количестве, в отношении соломы, сена и овощей – смотри объяснительную записку.

Р. Беккер²⁷

АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 22. Л. 29. Рукопись

²¹ Беккер Роман Егорович – заведующий хозяйством ИЭБ в 1924–1928 г., помощник заведующего хозяйством ИЭБ в 1929 г. // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 20. Л. 24, 73; Там же. Д. 21. Л. 40.

²² Зенин Герасим Прокофьевич – заведующий питомником ИЭБ в 1929 г., с декабря 1929 г. – заведующий хозяйством ИЭБ // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 22. Л. 70.

²³ В акте приведено количество соломы, оставшейся в результате неправильного хранения и неучтенного использования, описанных Р.Е. Беккером в складной записке.

²⁴ Автограф.

²⁵ Автограф.

²⁶ Егорова Е. – служительница вивария № 3 ИЭБ // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 14. Л. 1, 100. Полное имя установить не удалось.

²⁷ Автограф.

№ 2

ОБЪЯСНИТЕЛЬНАЯ ЗАПИСКА

к акту от 18-го мая 1929 г[ода]
об остатке на 18-ое мая ОВОЩЕЙ, СЕНА и СОЛОМЫ

По поводу приобретенной завхозом Института т[оварищем] Лебедевой М.П.²⁸ 13-го апреля с[его]/г[ода] соломы и сена имею сообщить следующее.

Указанная солома и сено были куплены, доставлены и сложены по распоряжению т[оварища] Лебедевой в сарае, каковое помещение вполне оказалось непригодным для этой цели ввиду сырости этого помещения, о чем я своевременно сообщил как администрации, так и т[оварищу] Лебедевой /копия при сем прилагается²⁹/ при чем, указывая на отсыревшие кипы соломы, просил дать мне людей и помещение, чтобы высушить таковую.

10-го мая т[оварищ] Лебедева без моего ведома распорядилась о том, чтобы все кипы соломы были вынесены из сарая наружу и часть таковых была тут же разбита, и солома была разбросана. На мое предупреждение, что барометр падает и можно ожидать скорого дождя мне было через заведующего питомником отвечено (это подтвердили и технические служащие), что соломе дождь не повредит: «пускать промоет ее»³⁰, что это и высказывала и заведующая хозяйством т[оварищ] Лебедева/.

12-го числа шел целый день крупный дождь, и солома, остававшаяся в разбросанном виде необрушенной, а также частью в кипах наружу, сильно подмокла, и сушка соломы производилась после того в течение 4-х дней работницей с биржи.

Естественно, что ввиду разбивания кип, самой просушки, последовавшей затем подмочки³¹ дождем и новой просушки получилась большая потеря в соломе, которую нельзя было подобрать с земли и частью сделалась непригодной.

При выяснении остатков обнаружилось, что в то время, когда сарай, хранивший солому и сено, для лучшего проветривания оставался незапертым, технические служащие, обслуживавшие питомник без моего ведома и ведома завхоза, брали солому и сено для нужд питомника, что еще более увеличивало недостачу.

Считаю, что при вышесказанных обстоятельствах я не являюсь ответственным за сено и солому, которые мною не покупались и не принимались и наблюдение за которыми т[оварищ] Лебедева приняла на себя, что объясняется ее распоряжениями /без моего ведома/ о просушке в саду, вместе

²⁸ Лебедева М.П. – заведующая хозяйством ИЭБ в 1929 г. // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 25. Л. 11; Там же. Д. 22. Л. 70. Полное имя установить не удалось.

²⁹ Копия документа не сохранилась в составе дела.

³⁰ Так в тексте.

³¹ Так в тексте.

с тем считаю, что обнаруженный по акту остаток соломы в 1815 кг³² свидетельствует о потере и недостаче 774 кг соломы.

Указанное на обороте объяснение объясняет³³ обнаруженную при тех же условиях недостачу сена в 300 кг.

Овощи: При сем прилагается акт от 4-го мая по приемке овощей, вынутых после зимнего хранения в ямах, а именно в количестве 2949 кг, какие овощи экспертной комиссией /с экспертом от М[осковского] С[оюза] П[отребительских] О[бществ]³⁴ / [4-го] мая признаны были удовлетворительными, не включенное сюда количество негодной моркови и свеклы в 408 кг составляет 12% порчи /от количества 3357 кг, осенью сложенного в ямах/, которое на основании приемочного акта подлежит снятию с учета.

Излишек овса и недостача овощей объясняется тоже тем обстоятельством, что в ноябре-месяце, когда на рынках отсутствовали указанные продукты наш Институт заимообразно уступил соседнему Биохимическому институту³⁵ 1 мешок моркови и наш Институт взял от Биохимического Института 48 кг овса. Так что излишек овса следует считать взамен недостачи моркови, так как обмена произвести с соседним Институтом в настоящее время не представляется возможным.

Пшено: Недостача пшена в 980 кг объясняется тремя причинами: 1) тем, что служащий Ф[едор] Минаев³⁶ распорол о гвоздь один мешок, и происшедшей утечкой пополнили выдачу ему же Минаеву для птичника /выдано пшено с мусором/; 2) тем обстоятельством, что при переводе продуктов и фуража из одного помещения в другое в последнем крысы прогрызли оба мешка; 3) несвешенными³⁷ остатками, оставшимися на дне закромов, куда сложено было после починки указанных закромов пшено в мешках.

Пом[ощник] завхоза ИЭБ
Р. Беккер³⁸

³² Здесь и далее оригинальное сокращение «кгр.» исправлено на «кг».

³³ Так в тексте.

³⁴ Московский союз потребительских обществ – первый кооперативный союз в России, созданный в Москве в 1898 г. и преобразованный после 1917 г. во Всероссийский центральный союз потребительских обществ (Центросоюз). Московский союз потребительских обществ (МСПО) // Большая российская энциклопедия. URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/2233853?yclid=lo5bsfdj60763337871 (дата обращения 25.10.2023).

³⁵ Биохимический институт, или Институт биологической химии, входивший в 1920-х гг. в состав ГИНЗ, располагался в соседнем ИЭБ доме № 8 на Воронцовом поле.

³⁶ Минаев Федор Иванович – лабораторный служащий вивария № 4 ИЭБ с 1926 г., ранее состоял на должности конюха // АРАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 14. Л. 1 об., 15, 100.

³⁷ Так в тексте; имеется в виду «невзвешенными».

³⁸ Автограф.

На основании вышесказанного следует списать:

*соломы 774 кг,
сена 300 [кг],
овощей 408 [кг] – с учетом излишка овса,
пшеница 9,80 [кг]³⁹.*

Р. Беккер⁴⁰

РАН. Ф. 570. Оп. 1. Д. 22. Л. 42–42 об. Машинопись

Литература

- Астауров, Рокицкий 2021a – *Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф.* Кольцов – организатор Института экспериментальной биологии. Принципы, положенные в основу работы Института // Николай Константинович Кольцов: Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. С. 257–268.
- Астауров, Рокицкий 2021b – *Астауров Б.Л., Рокицкий П.Ф.* Роль Н.К. Кольцова в развитии генетики животных в СССР. Опытные станции в Подмосковье // Николай Константинович Кольцов: Очерки, статьи, письма, документы. М.: Научный мир, 2021. С. 237–248.
- Горелова 2017 – *Горелова Л.Е.* История создания Московского научного института – вольной научной академии // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. 2017. № 4. С. 250–253.
- Помелова 2022 – *Помелова М.А.* Особенности научного сообщества опытных станций Института экспериментальной биологии (начало XX века) // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2022. № 8 (38). С. 194–203.
- Слискова 2022 – *Слискова В.В.* О вивариях и лабораторных служителях Государственного института народного здравоохранения (1920-е гг.) // История России с древнейших времен до XXI в.: проблемы, дискуссии, новые взгляды: Сб. статей. М.: ИРИ РАН, 2022. С. 277–282.

³⁹ Приписка от руки: «На основании вышесказанного следует списать: соломы 774 кг, сена 300 [кг], овощей 408 [кг] – с учетом излишка овса, пшеница 9,80 [кг]».

⁴⁰ Автограф.

А.А. Королева

Интеллектуальные основания критики М.Н. Покровского М.В. Нечкиной

В статье рассматривается трансформация советского исторического проекта в 1930-х гг. Она была связана с критикой «школы Покровского» – академика и видного государственного деятеля, который оказывал определяющее воздействие на историческую науку в 1920-х гг. 27 января 1936 г. в «Правде» было опубликовано официальное сообщение, в котором осуждались «ошибочные исторические» взгляды М.Н. Покровского. В 1939 и 1940 гг. вышли два сборника статей «Против исторической концепции М.Н. Покровского» и «Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского». Участие учеников «школы» в сборниках было способом избежать «проработок», массово затронувших марксистских ученых. Однако в случае с М.В. Нечкиной, одной из учениц М.Н. Покровского, статьи стали средством трансляции новых концепций и взгляда на отдельные исторические сюжеты, которые исследовательница выработала в процессе активного освоения ленинского наследия.

Ключевые слова: М.В. Нечкина, М.Н. Покровский, школа Покровского, критика, советский исторический проект, историография

Советский проект, направленный на построение нового коммунистического общества, с момента конструирования претерпевал неоднократные изменения. Первый этап был направлен на создание радикальной модели – общества социальной справедливости, равенства, свободы от эксплуатации человека человеком методами военного коммунизма. Однако реальные вызовы, с которым столкнулось новое правительство, а также перевернутый подход к логике конструирования вынуждали трансформировать проект в ходе его реализации. Инициаторы провели его через сложную переходную стадию идеологического плюрализма и многоукладной экономики к модели сталинского социализма [Дубровский 2017]. Вместе с советским проектом претерпел закономерные изменения и советский исторический проект. Период дискуссий и поисков в рамках эконо-

мического материализма и марксизма, характерный для 1920-х гг., был фактически завершен. Идеи отмирания государства, мировой революции сменились совершенно противоположной идеей укрепления одного социалистического государства, «красной Родины», для защиты и сохранения независимости от потенциальной иностранной угрозы. К тому же эта тенденция сглаживала внутренние конфликты, спланировала разные слои населения.

Большинство исследователей считают поворотной точкой письмо И.В. Сталина в журнал «Пролетарская революция» «О некоторых вопросах истории большевизма» в 1931 г. В нем резко критиковались работы некоторых историков за «попытки протащить контрбандой в нашу литературу замаскированный троцкистский хлам»¹, а также редакция «Пролетарской революции» за «либерализм в отношении троцкистов и троцкистски-мыслящих людей», которых они считают «фракцией коммунизма»² и предоставляют им дискуссионную трибуну. На фоне борьбы с «оппозицией» закономерно монополизировалось толкование истории: «сталинская политика, цезаризм Сталина и впрямь плохо согласовывались с теоретической мыслью большевизма, с историческим прошлым партии, в изучении которого Сталин не без оснований усматривал почву для новых оппозиций» [Боффа 1994, с. 398]. Облик советской исторической науки с 1930-х гг. наиболее ярко характеризуют требования к ее преподаванию: хронологическая последовательность фактов с характеристикой исторических деятелей вместо абстрактных определений общественно-экономических формаций, отвлеченных социологических схем. Открыто провозглашалось, что эти «вредные тенденции и попытки ликвидации истории как науки», замены ее социологией, связаны с «исторической школой Покровского» [Артизов 1991, с. 102]. «Понятие “школа Покровского” впервые и сразу в негативном толковании появилось в официальном сообщении “В Совнарком Союз ССР и ЦК ВКП(б)” 27 января 1936 г.» [Артизов 1994, с. 36], и к ней могли причислить любого «неудобного», даже если он не имел прямой связи с академиком М.Н. Покровским. Также в «Известиях» вышла статья Н.И. Бухарина «Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского)»³. С них развернулась масштабная критика

¹ *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма: письмо в редакцию журнала «Пролетарская революция». М.; Л.: Московский рабочий, 1931. С. 100.

² *Сталин И.В.* О некоторых вопросах истории большевизма // Сталин И.В. Соч. В 18 т. Т. 13. М.: Госполитиздат, 1951. С. 98.

³ *Бухарин Н.И.* Нужна ли нам марксистская историческая наука? (О некоторых существенно важных, но несостоятельных взглядах тов. М.Н. Покровского) // Борьба классов. 1936. № 2. С. 10–19.

академика. В итоге по заданию Президиума Академии наук во второй половине 1937 г. Институт истории АН СССР начал подготовку сборника «Против исторической концепции М.Н. Покровского» (ответственный редактор С.К. Буштуев). К весне 1939 г. был подготовлен второй том (ответственный редактор Л.А. Сидоров). Среди авторов, принявших участие в сборниках, были как представители «старой школы» и их ученики, так и ученики М.Н. Покровского: А.М. Панкратова, М.В. Нечкина, Л.А. Сидоров.

Примечательно, что вводная статья первого тома, которая являлась ориентиром для других авторов, принадлежала А.М. Панкратовой. Она резко критиковала «ошибки» М.Н. Покровского, не выделила ни одной исследовательской заслуги. При жизни М.Н. Покровского А.М. Панкратова была одним из самых близких к нему учеников. Резкая смена оценок накладывается на репрессии, которые к 1937 г. охватили широкий круг марксистских историков, и укоренили страх «проработок». Сама Панкратова прошла через арест тесного круга коллег, исключение из партии 27 августа 1936 г. на партийном собрании ИКП истории, временной высылкой в Саратов.

Другая ученица М.Н. Покровского, Милица Васильевна Нечкина, избежала персональных репрессий. В 1929 г. во 2-м МГУ она попала в поле зрения Рабоче-крестьянской инспекции. В связи с этим следователь спрашивал о М.В. Нечкиной у М.Н. Покровского, но он дал об ученице положительный отзыв: «Охарактеризовал как марксиста и как педагога с самой лучшей стороны»⁴. М.Н. Покровский выразил удивление, что Нечкина не интересовалась ходом дела у деверя, Якова Аркадьевича Яковлева (Эпштейна), известного партийного и государственного деятеля, который в 1929 г. стал наркомом земледелия СССР. «Я отвечала, что нарочно не путаю его в это дело и редко вижу. – А Орджоникидзе знает, я с ним говорил»⁵. На следующий же день Нечкина написала: «Полная победа в РКИ! Узнала теперь, а дело, оказывается, давно уже решено»⁶. Тем не менее ей был знаком страх «чисток», которые коснулись близких людей, отца и возлюбленного Г.Я. Трошина в годы Гражданской войны. Трагедия вновь затронула ее близких уже в 1937 г. Старший брат Борис в 1917 г. состоял в партии кадетов и стал одним из «белых» эмигрантов в Харбин, Китай, в годы Гражданской войны. В 1935 г., после продажи СССР Китайско-Восточной железной дороги Китаю, Борис с женой Анной-Рахили Менашевной-Нечкиной и двумя детьми, Василием и Надеждой, вернулся в Россию, обосновался в Пензе, где преподавал. В 1937 г. он

⁴ «...И мучилась и работала невероятно»: Дневники М.В. Нечкиной. М.: РГГУ, 2013. С. 287.

⁵ Там же. С. 288.

⁶ Там же.

был арестован по обвинению в шпионаже и в ноябре расстрелян на московском полигоне. В ноябре 1937 г. арестовали брата мужа Нечкиной, зав. сельхозотделом ЦК ВКП(б), Якова Яковлева и его жену, директора «Мосфильма» Софью Соколовскую. В 1938 г. арестовали младшего брата мужа, Илью Эпштейна. Они были осуждены за фашистский шпионаж и участие в правотроцкистской террористической организации и расстреляны в 1938 г. В связи с арестом братьев муж М.В. Нечкиной, Давид Эпштейн, в 1938 г. был исключен из партии. Сама Нечкина в партии никогда не состояла, что являлось препятствием в развитии ее научной карьеры. В частности, при подготовке учебника: «что бы ни написала, но раз беспартийная, значит плохо. Уже следят за мною, чтобы проработать»⁷.

На будущее участие М.В. Нечкиной в сборниках с критикой М.Н. Покровского повлияли не только репрессии, но и несколько других факторов. С 1931 г., когда М.В. Нечкина активно осваивала наследие Ленина и таким образом «усваивала» его концепцию истории, они с М.Н. Покровским стали приверженцами разных концепций.

Прочла статью Покровского... <...> ...об образовании Московского государства (по-моему, подход к вопросам национальности не вполне ленинский и есть своеобразная переоценка национального момента)⁸.

А также в феврале 1932 г. между ними произошел конфликт вокруг публикации записок декабриста Николая Ивановича Лорера, архивного документа, обнаруженного Нечкиной в рукописных фондах библиотеки Комакадемии [Курапова 2008, с. 28–53]. Записки являлись богатым источником по истории Южного общества декабристов через персональную историю. М.В. Нечкина сообщила о находке М.В. Покровскому, который «всегда любил архивные новинки» [История в человеке 2011, с. 115], и с его ходатайства в библиотеку в январе 1928 г. получила рукопись на руки с целью снятия копии для публикации в издательстве «Молодая гвардия». М.В. Покровский одобрил идею издать рукопись отдельной книгой, для чего обратился в Президиум Комакадемии. В протоколе было указано «печатать Записки декабриста Лорера в подготовке М. Нечкиной под редакцией Покровского» [История в человеке 2011, с. 116]. Долгое время Нечкина вела кропотливую тяжелую работу, по мере подготовки текст к публикации высылался Покровскому на утверждение. 25 сентября 1930 г. была сдана в печать вступительная статья «Декабрист Н.И. Лорер и его “записки”», а в следующем году в Государственном

⁷ «...И мучилась и работала невероятно»... С. 308.

⁸ Там же. С. 294.

социально-экономическом издательстве под редакцией Покровского книга была опубликована целиком с вводными замечаниями, вступительной статьей, обширными приложениями, примечаниями и указателем имен. Первый экземпляр М.В. Нечкина отправила М.Н. Покровскому. «Он видел же и титульный лист, и свою фамилию... <...> ...но не сказал в этом духе ни единого слова» [История в человеке 2011, с. 117]. 16 февраля 1932 г. в газете «Правда» был опубликован фельетон Г.Е. Рыклина «История с примечаниями»⁹.

Ключевой вопрос фельетона, по сути, заключался в том, насколько необходимо было воспроизводить при публикации маргиналии полтавского помещика М.В. Юзефовича, читавшего записки Лорера в рукописи [Курапова 2008, с. 28–53].

Фельетон вызвал незамедлительную реакцию М.В. Покровского. Он направил председателю правления Объединения государственных книжно-журнальных издательств А.Б. Халатову письмо под грифами «лично», «секретно», «крайне спешно» [История в человеке 2011, с. 111], в котором согласился, что когда-то на его имя был выдан мандат на издание «Записок», однако ввиду болезни многие обещания были сорваны и М.В. Нечкина этим намеренно воспользовалась, выпустив книгу с указанием его как редактора самостоятельно. 22 февраля А.Б. Халатов пригласил М.В. Нечкину в СОЦЭКГИЗ, где показал письмо М.В. Покровского. «Меня поразило его содержание – в нем столько неправды и несправедливости», – отреагировала М.В. Нечкина. Она не искала редакции Покровского и полагала, что «Записки» будут издаваться под ее редакцией, потому что уже тогда М.В. Нечкина расходилась с Покровским в оценке Южного общества и так могла бы отразить свою версию в вводной статье. «Он считает его [Южное общество] “мелкобуржуазным” и “якобинским”, я считаю в основе либерально-дворянским» [История в человеке 2011, с. 120]. Однако М.В. Нечкина продолжала находить оправдания поведению М.Н. Покровского: болезнь и страх «проработок», начало которых он «болезненно ждет» [История в человеке 2011, с. 115]. Она перекладывала вину на Г.Е. Рыклина: «...горько, что больной Михаил Николаевич спешит солидаризироваться с безграмотным и явно недобросовестным конъюнктурщиком-фельетонистом!» [История в человеке 2011, с. 117]. Однако в конечном итоге она изменила точку зрения на «ужасное, лживое и подлое письмо» М.В. Покровского [История в человеке 2011, с. 118]. «Я поняла, что обманываю себя, чтобы хоть в представлении своем спасти образ дорогого мне человека!» [История в человеке 2011, с. 118]. Конфликт закончился фактиче-

⁹ Рыклин Г.Е. История с примечаниями // Правда. 1932. № 316.

ским разрывом отношений сторон. «Я в нем не нуждаюсь», – написала М.В. Нечкина в личном дневнике [История в человеке 2011, с. 119].

Несмотря на разрыв, в глазах научного сообщества М.В. Нечкина принадлежала к «школе Покровского» и продолжала считать его одной из центральных фигур современной ей исторической науки. М.В. Нечкина не могла избежать участия в сборниках, однако в своих вступлениях, «избегнув стандартных заявлений об “антимарксизме”... <...> ...сумела довольно обстоятельно показать развитие взглядов ученого, их сильные и слабые стороны» [Артизов 1991, с. 111].

В первом сборнике авторству М.В. Нечкиной принадлежит две статьи: «Восстание Разина и Пугачева в концепции М.Н. Покровского» и «Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского». Ранее о Пугачеве М.В. Нечкина написала статью для Пушкинского словаря, читала лекции о взаимоотношениях Екатерины II и Пугачева, его восстании. Статья была представлена в виде доклада на сессии Общественного отделения Академии наук СССР¹⁰. Во-первых, М.В. Нечкина зафиксировала, что Покровский не уделил внимания восстанию Разина. «Пропуск восстания Разина в “Истории России с древнейших времен” М.Н. Покровского – несомненный результат влияния буржуазной исторической схемы, воспринятой им у Ключевского»¹¹. Она признала, что далее, начиная со статьи «Чернышевский как историк», Покровский вписал восстание Разина в ряд бунтов – «классовой борьбы» и характеризовал как «казацко-крестьянское восстание». «Эта характеристика... <...> ...заимствована им у мелкобуржуазного историка Костомарова»¹². Восстание Разина у М.Н. Покровского – это непосредственный результат столкновения двух типов торгового капитала: Московского государства и «разбойничьей торговли» казаков. Закономерно, что их столкновение произошло на главной торговой артерии – реке Волге.

Характернейшая, по Покровскому, черта восстания Разина – его «периферийность»: предпосылок для поддержки Разина крестьянством центральных районов государства якобы не было; лозунги восстания Разина якобы не были лозунгами всего задавленного крепостным гнетом крестьянства¹³.

В 1930-х гг. формировалась марксистская концепция народов СССР. В опубликованных в «Правде» 27 января 1936 г. «Замеча-

¹⁰ «...И мучилась и работала невероятно»... С. 344.

¹¹ *Нечкина М.В.* Восстание Разина и Пугачева в концепции М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. Ч. 1. М., Л.: Акад. наук СССР, 1939. С. 246.

¹² Там же. С. 247.

¹³ Там же. С. 248.

ниях по поводу конспекта учебника по истории СССР» авторства И.В. Сталина, А.А. Жданова, С.М. Кирова¹⁴ подчеркивалась высокая значимость истории СССР как истории Руси и других народов, вошедших в состав СССР, и «аннексионистско-колониаторская роль русского царизма, вкупе с русской буржуазией и помещиками»¹⁵, поэтому М.В. Нечкина сочла нужным сделать акцент на том, что «об участии в восстании Разина угнетенных царизмом национальностей у Покровского нет ни слова»¹⁶. Несмотря на то что экономика XVII в. не являлась непосредственной темой ее статьи, Нечкина сконцентрировалась на ней с целью опровергнуть «ложные предпосылки» М.Н. Покровского для обоснования «периферийности» восстания. Автор утверждает свою точку зрения: «восстание Разина, крестьянское по своему характеру, ... <...> ... потрясло все Московское государство»¹⁷. М.Н. Покровский также проигнорировал «вопрос о невозможности победы массового движения, лишенного пролетарского руководства»¹⁸. У него причина поражения – это исключительно технический военный перевес московского правительства. Положительный сдвиг М.В. Нечкина увидела в поздних работах:

...косвенным образом здесь восстание Разина... <...> ...характеризуется как крестьянское», а «прежнее преуменьшение значения восстания Разина сменяется у Покровского преувеличением его идеологического значения»¹⁹.

Другой примечательной чертой времени является то, что М.В. Нечкина остановилась на специфическом «дворянско-буржуазном» дискурсе М.Н. Покровского. Речь шла о повсеместном употреблении терминов «разинщина» и «пугачевщина», которые И.В. Сталин, С.М. Киров и А.А. Жданов определяли как «затасканные и совершенно ненаучные определения всякого рода буржуазных историков»²⁰. Во-вторых, М.В. Нечкина отметила еще один «несомненный» плюс: восстанию Пугачева М.Н. Покровский уделил гораздо больше внимания, чем восстанию Разина, поскольку

¹⁴ Сталин И.В., Жданов А.А., Киров С.М. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Правда. 1936. № 26.

¹⁵ Сталин И.В. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР // Сталин И.В. Соч.: В 18 т. Т. 14. М.: Писатель, 1997. С. 40.

¹⁶ Нечкина М.В. Восстание Разина и Пугачева... С. 252.

¹⁷ Там же. С. 251.

¹⁸ Нечкина М.В. Восстание Разина и Пугачева... С. 253.

¹⁹ Там же. С. 254.

²⁰ Сталин И.В. Замечания по поводу конспекта учебника по истории СССР... С. 41.

оно носило более выраженные черты антифеодальных крестьянских войн.

Подчеркивая... <...> ...роль нерусского населения Приуралья, он все больше и больше выдвигал на первый план крестьянство, отмечая, что казачество в восстании Пугачева имело меньшее значение, чем в восстании Разина²¹.

Особенно это выделялось на фоне дореволюционной историографии, где «замалчивалось массовое движение»²². По ее мнению, на первом этапе изучения М.Н. Покровский определил характер и движущие силы восстания как казацко-крестьянские, но «верно» подчеркнул, что восстание явилось продуктом общерусских условий и имело общероссийское значение.

Покровский уже подхватил основной антагонизм крестьянской войны – столкновение лицом к лицу крепостного человека с его эксплуататором – помещиком, барин²³,

но также обратил внимание на «буржуазный» элемент «пугачевщины» – зажиточное казачество. Спустя девять-десять лет в «Русской истории в самом сжатом очерке» М.Н. Покровский резко изменил свои взгляды, охарактеризовав восстание как раннюю буржуазную революцию наравне с декабристами, что Нечкина сочла явным преувеличением. Восстание Пугачева, «по словам товарища Сталина» – стихийное восстание крестьянства против феодального гнета²⁴. Сюда же она прибавила модернизацию причин восстания М.Н. Покровским – «крестьянская теснота». «Мотив этот введен Покровским в феодально-крепостное время явно из капиталистической эпохи»²⁵.

В 1926 г. в предисловии к документам восстания, изданным Централхивом, М.Н. Покровский «впервые с полной ясностью и по существу правильно» классифицировал восстание как крестьянское²⁶, но правильная общая характеристика не избавила его от очень серьезных, в представлении М.В. Нечкиной, ошибок. Это и переоценка роли крепостных рабочих, «подрисовка» их под пролетариат – класс капиталистической эпохи, и преувеличение сознательности и органи-

²¹ Мавродин В.В. Советская историческая наука о крестьянских войнах в России // Крестьянские войны в России XXVII–XVIII вв. М., Л., 1966. С. 295.

²² Нечкина М.В. Восстание Разина и Пугачева... С. 257.

²³ Там же. С. 259.

²⁴ Там же. С. 260.

²⁵ Там же. С. 261.

²⁶ Нечкина М.В. Восстание Разина и Пугачева... С. 262.

зованности крестьянского движения, недостаточная оценка его стихийности, политической темноты и внутренних противоречий, внесенных пестрым национальным составом. Нечкина отдала М.Н. Покровскому должное:

Покровскому принадлежит большая заслуга по выделению и внимательной характеристике роли отдельных народностей в восстании Пугачева... <...> ...приводится новый архивный ранее неисследованный фактический материал об угнетении национальностей в «тюрьме народов» – царской России²⁷.

Статья Нечкиной о декабристской концепции М.Н. Покровского вышла более критической. Ее особенность в том, что она также являлась самокритикой Нечкиной, которая вторую половину 1920-х – начало 1930-х гг. занималась декабристоведением под влиянием М.Н. Покровского. Нечкина начала статью с фразы «концепция восстания декабристов, выдвинутая М.Н. Покровским, резко расходится с ленинско-сталинской концепцией»²⁸, которая определила весь ее характер. М.В. Нечкина изложила ленинскую концепцию декабризма, которую сконструировала из разрозненных высказываний В.И. Ленина во время работы над рукописью «Последний председатель Тульчинской управы», биографии декабриста А.П. Барятинского. Она была лишь частично опубликована отдельными статьями в 1935 г.²⁹ Концепция выглядит следующим образом. Декабристы – это первое поколение революционеров в ряду революционного движения. «Они связаны общими нитями со всеми последующими периодами революционного движения»³⁰ в первую очередь потому, что послужили примером для создания красивой патриотической легенды, которую создал и использовал для поднятия революционного духа Герцен. Декабристы выступали с впервые провозглашенным лозунгом республики и отмены крепостного права, протестовали против насилия, гнета и издевательства царизма над Россией. Апогеем протеста стало восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 г. «Именно за свой протест заслуживают декабристы названия революционеров»³¹. Однако движение декабристов – не

²⁷ Нечкина М.В. Восстание Разина и Пугачева... С. 268.

²⁸ Нечкина М.В. Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского // Против антимарксистской концепции М.Н. Покровского: Сб. статей. Ч. 1. М.; Ленинград: Акад. наук СССР, 1939. С. 303.

²⁹ Нечкина М.В. Ленин о декабристах // Фронт науки и техники. 1935. № 5/6. С. 29–37; Она же. Кризис Южного общества декабристов // Историк-марксист. 1935. № 7. С. 30–47.

³⁰ Нечкина М.В. Ленин о декабристах... С. 33.

³¹ Там же. С. 35.

есть движение демократическое, им была присуща классовая ограниченность, оно не связано с массовым движением. Крупнейший вопрос – тактика восстания – решался ими как офицерами-дворянами – военная диктатура, отсюда термин «дворянская революционность». В этом же крылась причина их поражения. Все поколения революционеров были обречены на провал, пока с вооруженным восстанием не выступило массовое народное движение под гегемонией пролетариата. Историк М.М. Сафонов отметил, что эта концепция движения декабристов

...по сути являлась сталинской, потому что сведенные вместе публицистические высказывания Ленина были вписаны в пятичленную схему развития и смены общественно-экономических формаций, при жизни основателя советского государства еще не существовавшую³².

В статье «Восстание декабристов в концепции М.Н. Покровского» было добавлено: «как и Ленин, товарищ Сталин оценивает декабристов как факт революционного движения»³³. М.В. Нечкина имеет в виду высказывание И.В. Сталина во время беседы с немецким писателем Эмилем Людвигом 13 декабря 1931 г.:

...сколько было восстаний и возмущений на протяжении этих 300 лет³⁴: восстание Стеньки Разина, восстание Емельяна Пугачева, восстание декабристов, революция 1905 г., революция в феврале 1917 г., Октябрьская революция³⁵.

Затем Нечкина привела обширную библиографию М.Н. Покровского по теме «декабристы» и рассмотрела его работы в хронологическом порядке, чтобы не только отметить их концептуальные черты, но и проследить видоизменения с течением времени. Отдельно М.В. Нечкина поставила первую работу М.Н. Покровского, написанную совместно с Кириком Левиным, которая концептуально отличалась от последующих. Личное знакомство и тесное сотрудничество историков позволило М.В. Нечкиной утверждать: «ничем нельзя было доставить ему большего неудовольствия, чем ссылкой на его первую работу о декабристах»³⁶. В ней М.Н. Покровский прежде все-

³² Сафонов М.В. Из истории создания советской концепции восстания декабристов (Н.М. Дружинин против М.В. Нечкиной) // Вестник СПбГУ. Серия 2. История. 2015. Вып. 4. С. 55–65.

³³ Нечкина М.В. Восстание декабристов... С. 303.

³⁴ За время царствования династии Романовых.

³⁵ Сталин И.В. Статьи и речи от XVI до XVII съезда ВКП(б). М.: Партиздат, 1934. С. 157.

³⁶ Нечкина М.В. Восстание декабристов.... С. 313.

го полностью отрицал революционность декабристов, значение вопроса об освобождении крестьян в их идеологии, не видел связи декабристов с всемирным революционным процессом.

Покровский крайне пренебрежительно относится к революционному прошлому России, чернит все, что является «не пролетарским», повертывает движение декабристов лицом назад, в историческое прошлое... <...> ...трактует его как корыстно-дворянское³⁷.

Следующий этап деятельности М.Н. Покровского и концепцию русского исторического процесса, изложенную в пятитомном труде «Русская история с древнейших времен», Нечкина связывала с его участием в группе «Вперед» А.А. Богданова. «Целый ряд крупных ошибок, от которых он никогда не отказывался, восходил именно к его... <...> ...пребыванию в группе “Вперед”»³⁸. В мае 1911 г. М.Н. Покровский разорвал отношения с группой «Вперед», но это не означало его перехода «на ленинские позиции». Нечкина не видела фактической разницы между первой работой и пятитомником, более того – предприняла попытку намеренно нивелировать ее: и там и там не было понимания революционного смысла восстания декабристов. «Не учитывая специфических черт первого этапа развития дворянской революционности, М.Н. Покровский теперь привносит в оценку декабристов критерий... <...> ...демократической революции»³⁹. И поскольку нет оснований называть выступление декабристов демократической революцией, всячески «снижал» их. Т. е. генетически связывал с дворцовыми переворотами, хотя и признавал, что для этого состав декабристов был «недостаточно аристократический»; «недооценивал» мотив освобождения крестьян, в силу того что этот же вопрос поднимали министры Николая I, «Русская правда» – это не проект конституции, а чисто литературное произведение. Послереволюционные работы М.Н. Покровского М.В. Нечкина оценила немногим выше: было привлечено больше документального материала, изменились акценты, появилась даже одна цитата Ленина, та самая «из Герцена», о которой М.В. Нечкина писала, что ее использовали все и всюду, «чтобы приукрасить “фасад”»⁴⁰. Однако он продолжал «протаскивать под флагом марксизма свою неленинскую концепцию»⁴¹. Так как И.В. Сталин в приведенном выше высказывании поставил восстание декабристов в один ряд с Октябрьской революцией, было не-

³⁷ Нечкина М.В. Восстание декабристов... С. 320.

³⁸ Там же. С. 321.

³⁹ Там же. С. 323.

⁴⁰ Там же. С. 328.

⁴¹ Там же. С. 328.

возможно характеризовать движение декабристов иначе как революционное, что в очередной раз подчеркнуло положенный конец марксистским дискуссиям и закрепление в советской исторической науке единственно верной ленинско-сталинской теории. Для доказательств ошибок М.Н. Покровского на протяжении всей статьи М.В. Нечкина сравнивала его взгляды с ленинской концепцией.

1. В.И. Ленин считал декабристов представителями революционного движения – М.Н. Покровский революционность декабристов отрицал и позже оценивал как революционные только отдельные элементы.

2. В.И. Ленин выделил в революционном движении период «дворянской революционности» с присущей ему классовой ограниченностью – М.Н. Покровский «резко разрывал» декабристов на дворянско-либеральное и мелкобуржуазное крыло и оценивал по критериям, заимствованным из позднейших эпох.

3. В.И. Ленин отметил, что декабристы первые выдвинули лозунг республики – М.Н. Покровский не имел по этому вопросу четкой точки зрения: то проводил преемственность республиканизма от эпохи дворцовых переворотов, то превозносил республиканизм «монтаньяра» Пестеля.

4. В.И. Ленин видел в тактике декабристов «военное восстание» – М.Н. Покровский не признавал наличие у декабристов единой тактики: так в его работах сочеталось военное восстание Черниговского полка, аристократический военный заговор и южное народное восстание.

5. В.И. Ленин высоко оценивал декабристов и его значение для последующих поколений революционного движения в частности – М.Н. Покровский «относится к движению декабристов в целом с пренебрежением... <...> ...тем самым очерняя важный этап в революционном прошлом нашей родины»⁴².

Историк Н.В. Тихомиров в связи с критикой ученых-последователей М.Н. Покровского отмечает, что, с одной стороны, она не только основывалась на научных потребностях, но и являлась трансляцией готовых идейно-риторических формул; с другой – критика обеспечивала интеллектуальные предпосылки для формирования и принятия новой исторической концепции в советской науке [Тихомиров 2020, с. 70]. Основания участия М.В. Нечкиной в критических сборниках стоит рассматривать комплексно, ее научная биография является многогранным источником по интеллектуальной истории советского периода. Однако в первую очередь оно позволило М.В. Нечкиной утвердить новую, сконструированную ею концепцию декабризма, которая займет место в советском историческом проекте до конца его существования.

⁴² Нечкина М.В. Восстание декабристов... С. 336.

Литература

- Артизов 1991 – *Артизов А.Н.* Критика М.Н. Покровского и его школы // История СССР. 1991. № 1. С. 102–120.
- Артизов 1994 – *Артизов А.Н.* Судьбы историков школы М.Н. Покровского (середина 1930-х годов) // Вопросы истории. 1994. № 7. С. 34–48.
- Боффа 1994 – *Боффа Дж.* История Советского Союза от революции до Второй мировой войны. Ленин и Сталин: 1917–1941. М.: Международные отношения, 1994. 628 с.
- Дубровский 2017 – *Дубровский А.М.* Власть и историческая мысль в СССР (1930–1950-е гг.). М.: РОССПЭН, 2017. 621 с.
- История в человеке 2011 – «История в человеке» – академик М.В. Нечкина: Документальная монография. М.: Новый хронограф, 2011. 1067 с.
- Курапова 2008 – *Курапова Е.Р.* Как «Записки декабриста Лорера» поссорили М.Н. Покровского и М.В. Нечкину: февраль – март 1932 г. // Исторический архив. 2008. № 4. С. 38–53.
- Тихомиров 2020 – *Тихомиров Н.В.* Идеино-политический аспект полемики вокруг исторической концепции М.Н. Покровского в 1930-е гг. // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2020. № 1. С. 64–72.

Публичная политика

УДК 004.738.5

ББК 004.738.5

А.А. Кожевников, Т.А. Филиппова

Интернет-ресурсы и их возможности в реализации имиджевой политики: пример губернаторов ДФО

В рамках настоящей статьи рассмотрены возможности интернет-ресурсов (личных страниц ВКонтакте) в реализации имиджевой политики. В качестве примера выступают губернаторы Дальневосточного федерального округа, а именно Айсен Николаев (Республика Якутия) и Алексей Цыденов (Республика Бурятия). Цель исследования – изучение особенностей информационного продвижения в интернет-пространстве имиджа глав субъектов Российской Федерации (на примере А. Николаева и А. Цыденова). Авторами анализируется деятельность губернаторов в интернет-пространстве, а данные приводятся за 2021 г. Для изучения стратегий построения имиджа были собраны количественные данные активности губернаторов. Также в ходе исследования авторы обращались к различным рейтингам: Национальному рейтингу губернаторов, Рейтингу регионов по уровню жизни, Рейтингу Центра политической конъюнктуры (ЦПК) «Цифровые портреты глав российских регионов». В ходе работы были выделены 4 особенности информационного продвижения глав Республики Якутия и Республики Бурятия в интернет-пространстве: 1) активность, 2) открытость к диалогу, 3) наличие обратной связи от губернатора, 4) использование национального языка республики.

Ключевые слова: имидж, имиджевая политика, губернаторы, Дальневосточный федеральный округ, социальные сети, интернет-пространство

Вопрос формирования имиджа губернаторов в последнее время привлекает внимание исследователей [Ваторопин 2016, с. 24–27]. В частности, политологи и социологи сосредотачиваются на значении их личного имиджа [Попиль 2017, с. 69–83], на стратегиях его формирования [Ваторопин, Семина 2015, с. 37–40], на роли социальных сетей и медиатехнологий в его создании [Кадырова 2015, с. 145–153; Хеце-лиус 2019, с. 93–103; Ефимова 2012, с. 245–248].

Важно понимать разницу между «имиджем» и синонимичным ему понятием «образ». Если «образ» формируется стихийно¹, то имидж создается посредством реализации в разной степени проработанных стратегий [Ваторопин, Семина 2015, с. 37], за ним стоит определенная цель – оказание конкретного воздействия на определенную группу. Внимание этой работы сосредоточено на одном из механизмов формирования имиджа – на информационных технологиях, в частности использовании социальных сетей. Интернет имеет особую роль в складывании имиджа губернаторов, что обусловлено его доступностью, удобством использования, а также возможностью быстро доносить информацию до аудитории и получать обратную связь [Власова, Чирун 2019, с. 178].

Успешная имиджевая политика губернатора является одним из критериев оценки его деятельности. Этот фактор учитывается при создании различных рейтингов, например, Национального рейтинга губернаторов², Народного рейтинга губернаторов³, Рейтинга губернаторов от медиалогии⁴ и др. Имидж губернатора имеет непосредственное влияние на его положение в рейтинге (чем эффективнее и успешнее его имиджевая политика, тем выше будет его положение в рейтинге, и наоборот). Но все-таки большую важность в складывании рейтинга имеет экономическая ситуация в самом регионе [Курас 2019, с. 123–124]. Это можно проследить, сопоставив рейтинг регионов по качеству жизни⁵ и Национальный рейтинг губернаторов⁶.

Целью исследования является изучение особенностей информационного продвижения в интернет-пространстве имиджа глав субъектов Российской Федерации (на примере Дальневосточного федерального округа⁷). Обратимся к сравнительной таблице рейтинга субъекта РФ (уровень жизни) и рейтинга губернатора.

¹ Социологический словарь / Отв. ред. Г.В. Осипов, Л.Н. Москвичев. М.: Норма, 2008.

² Национальный рейтинг губернаторов (итоги 2021 года) // Национальный рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-rating.ru/info/19996.html> (дата обращения 14.04.2023).

³ Народный рейтинг // Губернаторы.ru [Электронный ресурс]. URL: <https://governors.ru/rating> (дата обращения 14.04.2023).

⁴ Губернаторы // Медиалогия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mlg.ru/ratings/vlast/governors/> (дата обращения 14.04.2023).

⁵ Рейтинг российских регионов по качеству жизни – 2021 // РИА Новости [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20220214/kachestvo_zhizni-1772505597.html (дата обращения 14.04.2023).

⁶ Национальный рейтинг губернаторов (итоги 2021 года) // Национальный рейтинг [Электронный ресурс]. URL: <https://russia-rating.ru/info/19996.html> (дата обращения 14.04.2023).

⁷ Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), Забайкальский край, Камчатский край, Приморский край, Хабаровский край, Амурская область, Магаданская область, Сахалинская область, Еврейская автономная область, Чукотский автономный округ.

В первую очередь, необходимо выявить имидж глав субъектов Дальневосточного федерального округа. Обратимся к сравнительной таблице рейтинга субъекта РФ (уровень жизни) и рейтинга губернатора.

Таблица 1

Сравнительная таблица рейтинга субъекта РФ (уровень жизни) и рейтинга губернатора

Субъект	Место субъекта в рейтинге по качеству жизни в округе и по стране	Губернатор	Место губернатора в Национальном рейтинге (место в округе и место в стране)
Сахалинская область	1 (28)	ЛИМАРЕНКО Валерий Игоревич	4 (38)
Хабаровский край	2 (29)	ДЕГТЯРЁВ Михаил Владимирович	8 (55)
Камчатский край	3 (33)	СОЛОДОВ Владимир Викторович	3 (36)
Приморский край	4 (43)	КОЖЕМЯКО Олег Николаевич	5 (40)
Магаданская область	5 (55)	НОСОВ Сергей Константинович	2 (22)
Чукотский автономный округ	6 (59)	КОПИН Роман Валентинович	7 (49)
Амурская область	7 (68)	ОРЛОВ Василий Александрович	10 (75)
Республика Саха (Якутия)	8 (70)	НИКОЛАЕВ Айсен Сергеевич	1 (10)
Республика Бурятия	9 (78)	ЦЫДЕНОВ Алексей Самбуевич	11 (85)
Забайкальский край	10 (81)	ОСИПОВ Александр Михайлович	6 (48)
Еврейская автономная область	11 (83)	ГОЛЬДШТЕЙН Ростислав Эрнстович	9 (65)

Анализ данных показал, что правило «место региона в рейтинге = место губернатора в рейтинге» подтверждается в 9 из 11 субъектов РФ. Тем не менее были выявлены два исключения из правила. Ими являются Республика Якутия и Хабаровский край: если губернатор Якутии Айсен Николаев занимает 1-е место среди других глав округа в Национальном рейтинге губернаторов (10-е по России), то сама республика по качеству жизни находится на 8-м (из 11) месте в ДФО и на 70-м (из 85) по стране. И противоположный пример: Михаил Дегтярев, губернатор Хабаровского края, по рейтингам занимает 8-е место в округе, при том, что сам край по качеству жизни находится на 2-м месте во всем Дальнем Востоке.

Низкое положение Михаила Дегтярева (при высоком уровне развития региона) объяснимо: он занял пост губернатора только под конец 2021 г., времени на формирование имиджа было мало. Кроме того, на рейтинг повлияла тяжелая социальная обстановка в самом Хабаровском крае, вызванная отставкой бывшего губернатора Сергея Фургала: 9 июля С. Фургал был задержан сотрудниками ФСБ, а 20 июля 2020 г. был отстранен от должности «в связи с утратой доверия»⁸.

Именно поэтому мы обратили внимание на другой случай. В рамках статьи рассматривается не М. Дегтярев, а губернатор Республики Бурятия А. Цыденов. Это связано с тем, что его положение в рейтинге губернаторов крайне низкое (11-е место из 11), а регион сопоставим по уровню жизни с Республикой Якутия (Саха) (8-е место у Якутии и 9-е место у Бурятии соответственно). Таким образом, несмотря на примерно равный уровень жизни регионов, губернаторы занимают диаметрально противоположные места в национальном рейтинге: 1-е и 11-е соответственно.

Как уже было сказано, важной составляющей в формировании имиджа является коммуникативная активность в Интернете. Для анализа и сравнения их активности мы предпримем попытку выделить особенности, делающие имиджевую политику губернаторов Республики Якутия (Саха) и Республики Бурятия «успешной» или «неуспешной». Критерий у «успешности»/«неуспешности» один – высокий или низкий рейтинг. Представляется очевидным, что высокий рейтинг губернатора свидетельствует об успешной имиджевой политике, и наоборот.

Обратимся к мнению экспертов, участвовавших в составлении уже упомянутого рейтинга губернаторов⁹. Рейтинг формируется

⁸ Путин отправил в отставку Фургала // РИА НОВОСТИ. URL: <https://ria.ru/20200720/1574600125.html> (дата обращения 14.04.2023).

⁹ Национальный рейтинг губернаторов (итоги 2021 года) // Национальный рейтинг. URL: <https://russia-rating.ru/info/19996.html> (дата обращения 14.04.2023).

путем конфиденциального анкетирования очень широкого круга экспертов разной профессиональной и социальной принадлежности. Эксперты также имеют право высказать свое мнение публично. Деятельность А. Николаева в основном оценивается положительно. Часто фиксируется интерес Николаева к IT-сектору, что не осталось незамеченным федеральным центром. Ведутся работы над строительством первого на Дальнем Востоке креативного кластера (строительство было закончено в 2022 г.)¹⁰. По мнению экономиста Александра Воротникова, одного из опрошенных при составлении рейтинга экспертов, А. Николаев способен четко отследить тенденции и умеет убедить власть в необходимости федерального финансирования. Кроме того, к концу 2021 г. отмечалось снижение заболеваемости коронавирусом в республике. Также под руководством А. Николаева Якутия вошла в число лидеров по росту промышленного производства, при этом политик не оставляет без внимания экологические проблемы¹¹.

Рассмотрим пример А. Цыденова. В отличие от А. Николаева 2021 г. был не самым удачным для его губернаторства: в Национальном рейтинге губернаторов на протяжении всего года он перемещался между 80 и 82-м местами, а к концу года опустился на последнее, 85-е место в рейтинге¹². Это связано с аварией на ТЭЦ-1 в Улан-Удэ, которая произошла 23 декабря 2021 г.¹³ и отправила А. Цыденова на последнее место в рейтинге. Помимо этого, в качестве причин низкого рейтинга губернатора Бурятии эксперты выделяют проблемы в коммунальной сфере (задержки зарплат, регулярные аварии на объектах во время отопительного сезона и т. д.). Сильное влияние на рейтинг губернатора оказала и ситуация с эпидемией COVID-19: так, 21 марта 2021 г. А. Цыденову пришлось признать, что в регионе началась третья волна коронавируса¹⁴, а уже 23 июня был объявлен локдаун – Бурятия стала первым регионом, принявшим ограничения из-за третьей волны¹⁵.

¹⁰ Открыт первый на Дальнем Востоке креативный кластер // Российская газета. URL: <https://rg.ru/2022/12/08/leni-vhod-vospreshchen.html> (дата обращения 14.04.2023).

¹¹ Национальный рейтинг губернаторов (итоги 2021 года) // Национальный рейтинг. URL: <https://russia-rating.ru/info/19996.html> (дата обращения 14.04.2023).

¹² Там же.

¹³ В Улан-Удэ ввели режим ЧС из-за аварии на ТЭЦ // Известия. URL: <https://iz.ru/1268407/2021-12-23/v-ulan-ude-vveli-rezhim-chs-iz-za-avarii-na-tetc> (дата обращения 14.04.2023).

¹⁴ Глава Бурятии: «Третья волна пришла» // Аригус. URL: <https://arigus.tv/news/society/24658-glava-buryatii-tretya-volna-prishla/> (дата обращения 14.04.2023).

¹⁵ Первый регион в России объявил локдаун из-за третьей волны коронавируса // Волгоград онлайн. URL: <https://v1.ru/text/health/2021/06/23/69986630/> (дата обращения 14.04.2023).

Как видно из краткого обзора ситуации в Якутии и Бурятии, их губернаторы оказались в совершенно разных положениях: если эксперты связывают развитие Якутии с личностью А. Николаева, а его деятельность оценивается в основном положительно, то, в свою очередь, проблемы Бурятии напрямую связывают с А. Цыденовым.

В ходе исследования мы обратились к рейтингу Центра политической конъюнктуры (ЦПК) «Цифровые портреты глав российских регионов». Каждый месяц эксперты ЦПК анализируют упоминания о губернаторах в Интернете (количество упоминаний, негативные упоминания, позитивные упоминания).

Таблица 2

Сравнительная таблица «цифровых портретов»
А. Николаева и А. Цыденова

	Айсен Николаев		Алексей Цыденов	
	Место в рейтинге по положительным высказываниям (процент высказываний)	Место в рейтинге по негативным высказываниям (процент высказываний)	Место в рейтинге по положительным высказываниям (процент высказываний)	Место в рейтинге по негативным высказываниям (процент высказываний)
Январь	13 (7,28)	21 (6,94)	52 (3,16)	32 (5,09)
Февраль	4 (16,34)	42 (6,13)	35 (7,09)	29 (8,78)
Март	5 (16,12)	36 (7,86)	22 (11,06)	22 (9,50)
Апрель	4 (16,81)	53 (7,69)	59 (6,36)	18 (11,18)
Май	26 (12,38)	40 (9,19)	36 (11,44)	26 (11,08)
Июнь	10 (18,28)	22 (12,29)	78 (5,16)	5 (19,14)
Июль	16 (15,62)	25(12,59)	24 (12,98)	17 (14,8)
Август	1 (49,20)	47 (9,30)	60 (7,61)	7 (23,04)
Сентябрь	6 (19,30)	19 (11,16)	25 (11,46)	11 (14,97)
Октябрь	6 (15,60)	23 (11,20)	36 (7,06)	6 (22,12)
Ноябрь	11 (5,78)	74 (2,77)	12 (5,34)	16 (7,34)
Декабрь	8 (20,78)	61 (6,81)	49 (9,73)	1 (33,22)
Средний показатель места	9,1	38,58	40,1	16,3

Для наглядности была составлена таблица с местами губернаторов по положительным и негативным упоминаниям. А. Николаев занимал первое место по позитивным упоминаниям (в августе), дважды занимал четвертое место (апрель и февраль). По количеству позитивных упоминаний А. Николаев входит в топ-10 по всей России со средним значением 9,1. В свою очередь, по негативным упоминаниям среднее значение равно 38,58. Лучший результат А. Цыденова по позитивным упоминаниям – 12 (ноябрь), по негативным упоминаниям – 1 (декабрь), среднее место по положительным отзывам – 40,1, по негативным – 16,3. Как видно из таблицы, А. Николаев значительно превосходит А. Цыденова по количеству позитивных упоминаний. Об А. Цыденове в социальных сетях отзывались практически в 2 раза хуже, чем об А. Николаеве. В свою очередь, об А. Николаеве положительно отзывались в социальных сетях практически в 4,5 раза чаще, чем об А. Цыденове.

Для анализа были использованы социальные сети губернаторов. Так, наиболее репрезентативными социальными сетями являются ВКонтакте и Telegram. Однако канал в Telegram у А. Цыденова появился лишь в марте 2022 г. и это выходит за хронологические рамки исследования – именно поэтому мы отказались от анализа Telegram-каналов губернаторов.

ВКонтакте – одна из самых популярных социальных сетей в России. Согласно отчету за 2021 г., ежедневная аудитория ВКонтакте составила 47 млн человек, а ежемесячная – 72,5 млн человек¹⁶. Также почти 50% аудитории Рунета ежедневно пользуются ВКонтакте, а общероссийский ежемесячный охват за 2021 г. составил 76%¹⁷.

Для анализа ВКонтакте нами были выделены следующие критерии:

- кол-во постов в ВК за 2021 год;
- среднее кол-во постов в ВК в месяц;
- возможность комментировать посты;
- отвечает ли губернатор на комментарии, частотность;
- выходят ли посты на национальном языке, частотность.

Выбранные критерии позволяют оценить активность А. Цыденова и А. Николаева в ВКонтакте и выявить корреляцию между их положением в губернаторском рейтинге и количественными данными, полученными при сборе информации.

¹⁶ ВКонтакте подвела итоги 2021-го: 72,5 млн пользователей в России и рекордные 1,2 млрд просмотров видео в день // ВКонтакте. URL: <https://vk.com/press/q4-2021-results> (дата обращения 23.10.2023).

¹⁷ Там же.

Таблица 3

Активность А. Николаева и А. Цыденова в ВКонтакте за 2021 г.

	Айсен Николаев	Алексей Цыденов
Кол-во постов в ВК за 2021 год	196	105
Среднее кол-во постов в ВК в месяц	16,3	8,75
Возможность комментировать посты	Есть у всех пользователей	Есть только у друзей и подписчиков
Отвечает ли губернатор на комментарии, как часто	Да, 2 ответа на комментарии за 2021 г.	Нет
Выходят ли посты на национальном языке, как часто	Да, 5 постов за 2021 г.	Да, 3 поста за 2021 г.

Возможность комментировать посты – важная часть коммуникации между губернатором и населением региона. Это демонстрирует открытость региональной власти к критике, а также дает возможность местному населению обращаться со своими проблемами напрямую к губернатору. Открытые/закрытые комментарии – важный маркер, который позволяет оценить готовность губернатора к дискуссии и потенциально негативной информации, которая может повлиять на его имидж. Комментарии могут быть открыты, но это еще не означает, что губернатор их читает. Индикатор того, что политику действительно небезразлично мнение жителей своего региона, – ответы на их комментарии. Готовность ответить на вопросы населения напрямую положительно влияет на имидж губернатора и демонстрирует близость к населению.

Посты на национальном языке – важная часть формирования имиджа губернатора национальной республики Российской Федерации. Например, большое внимание в региональной прессе уделяется уровню знания бурятского языка А. Цыденовым¹⁸. Именно по-

¹⁸ Алексей Цыденов понемногу изучает бурятский язык // Информ Полис. URL: <https://www.infpol.ru/214042-aleksey-tsidenov-ponemnogu-izuchaet-buryatskiy-yazyk/> (дата обращения 23.10.2023); Алексей Цыденов о бурятском языке: «Все равно пытаюсь говорить» // Байкал Daily. URL: <https://www.baikal-daily.ru/news/19/420421/> (дата обращения 23.10.2023); Алексей Цыденов пообещал доучить бурятский язык до конца срока // Аргументы и факты. URL: https://bur.aif.ru/politic/person/aleksey_cydenov_poobeshchal_vyuchit_buryatskiy_yazyk_do_konca_sroka (дата обращения 23.10.2023)

этому публичным лицам, в том числе политикам, важно общаться с титульной нацией какой-либо республики на ее языке.

Активное использование современных информационных технологий позволяет широко информировать население о деятельности глав субъектов Российской Федерации. От качественной работы пресс-служб на официальных порталах во многом зависит имидж регионального лидера. Немаловажным является присутствие в соцсетях, поскольку эти площадки позволяют расширить информационное поле для создания конструктивного образа главы региона. Анализ коммуникативной активности губернаторов в социальных сетях позволил выявить ряд особенностей их информационного продвижения.

Первая особенность использования губернатором социальных сетей, влияющая на его имидж, – активность. Из двух рассматриваемых губернаторов А. Николаев в 2021 г. был почти в 2 раза более активным, чем А. Цыденов (196 постов против 105 за весь год, 16,3 поста в среднем за 1 месяц против 8,75). Второй особенностью, которую удалось выявить, стала открытость политика к диалогу. По этому критерию губернатор Якутии снова обходит губернатора Бурятии: посты А. Николаева могут комментировать абсолютно все, в то время как на странице А. Цыденова комментарии могут оставлять только те пользователи, которых губернатор добавил в друзья¹⁹ (в друзьях у него 9,8 тысяч пользователей, при этом 31 тысяча в подписчиках). Важно отметить, что на момент написания статьи (май 2023 г.) А. Цыденов скрыл комментарии под всеми записями. Со второй особенностью непосредственно связана третья – политик готов оставить обратную связь. За 2021 г. А. Николаев два раза ответил на оставленные на его странице комментарии. А. Цыденов, в свою очередь, на комментарии не отвечает. В качестве последней особенности было выделено использование национальных языков. И А. Николаев, и А. Цыденов периодически выкладывают посты на национальных языках своих республик, однако глава Якутии делает это заметно чаще: за год опубликовано пять постов, в то время как у А. Цыденова всего два.

Таким образом, выявлена зависимость между рядом особенностей ведения губернаторами своих социальных сетей и их положением в Национальном рейтинге губернаторов. В ходе работы были сопоставлены рейтинги субъектов РФ по уровню жизни и рейтинг губернатора. Нами была выявлена взаимосвязь между местом региона в рейтинге и местом губернатора в рейтинге. Случай А. Николаева и А. Цыденова представляет интерес как исключение из выявленного

¹⁹ Алексей Цыденов // ВКонтакте. URL: https://vk.com/wall421889602_3738 (дата обращения 14.04.2023).

правила: хотя в регионах и примерно одинаковый уровень жизнь, их губернаторы располагаются по разные концы национального рейтинга. Было выделено четыре особенности имиджевой политики: активность, открытость к диалогу с аудиторией, готовность оставить обратную связь, использование национального языка. 1. А. Николаев, согласно проведенному анализу, в два раза чаще выкладывал записи на личной странице в «ВКонтакте», чем А. Цыденов. Большое присутствие в информационном поле в сочетании с демонстрацией позитивных региональных практик благоприятно влияет на имидж. 2. Открытость к диалогу демонстрирует уверенность политика и его готовность к потенциальной критике. В случае социальных сетей это демонстрируется через открытость / закрытость комментариев. Если записи губернатора Якутии могут комментировать все пользователи «ВКонтакте», то публикации губернатора Бурятии только те пользователи, которых он добавил в друзья, что свидетельствует о большей открытости к диалогу А. Цыденова. 3. Обратная связь через общение с пользователями в комментариях под записями. И в данном случае А. Николаев несколько активнее А. Цыденова. Губернатор Якутии два раза ответил на комментарий на своей странице, а губернатор Бурятии – ни разу. 4. Главе национальной республики крайне важно использовать местный язык. И А. Николаев, и А. Цыденов осознают это и используют в записях якутский и бурятский языки соответственно. Однако, как и в случае с другими количественными показателями, А. Николаев опережает А. Цыденова: 5 постов на местном языке против 2 постов.

Как было сказано, критерием успешности или неуспешности имиджевой политики выступает рейтинг губернатора. Основываясь на описанных в статье практиках, проведенных сопоставлениях и выявленных особенностях, можно заключить, что имиджевая политика А. Николаева была значительно успешнее избранной стратегии А. Цыденова, что напрямую отразилось в национальном рейтинге губернаторов.

Литература

- Ваторопин 2016 – *Ваторопин А.С.* Управление формированием имиджа губернатора как лидера общественного мнения // Вопросы управления. 2016. № 1 (19). С. 24–27.
- Ваторопин, Семина 2015 – *Ваторопин А.С., Семина М.С.* Имидж губернатора Свердловской области: стратегии формирования // Социум и власть. 2015. № 1 (51). С. 37–40.
- Власова, Чирун 2019 – *Власова К.В., Чирун С.Н.* Социальные сети как один из инструментов формирования и продвижения имиджа политика: на

- примере губернатора Кузбасса С.Е. Цивилёва // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2019. № 2 (2012). С. 176–183.
- Ефимова 2012 – *Ефимова И.Н.* Социальные сети как новый механизм формирования имиджа субъектов политической деятельности // Известия Алтайского государственного университета. 2012. № 4–11 (76). С. 245–248.
- Кадырова 2015 – *Кадырова Ш.Н.* К вопросу об особенностях формирования политического имиджа в Интернете // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. 2015. № 4. С. 145–153.
- Курас 2019 – *Курас К.Ю.* Особенности влияния экономической ситуации в регионе на имидж исполнительной власти // Теории и проблемы политических исследований. 2019. Т. 8. № 2А. С. 117–125.
- Попиль 2017 – *Попиль В.А.* Роль личного имиджа губернатора в брендинге субъекта федерации (на примере Дальневосточного федерального округа РФ) // Теории и проблемы политических исследований. 2017. Т. 6. № 1А. С. 69–83.
- Хецелиус 2019 – *Хецелиус В.Е.* Социальные сети как инструмент политической коммуникации // Наука без границ. 2019. № 5 (33). С. 93–103.

Издательский портфель

УДК 781.6

ББК 781.6

А.А. Хагба

Интерпретация музыкального текста с позиций семиотики и герменевтики

В статье анализируется процесс интерпретации музыкальных текстов с использованием методологической базы общей семиотики и герменевтики. Автор анализирует процесс интерпретации произведений искусства вообще, особенности их внешнего проявления, а также способы раскрытия внутреннего содержания. Рассматриваются сущность музыкального текста как знаковой системы, а также такие понятия, как «означающее», «означаемое», «интерпретатор», в приложении к музыкальному тексту. Не менее важным представляется проблема анализа внутреннего содержания музыкального текста, который не содержит вербальных смыслов, что создает определенную проблему в объективности артикуляции этого содержания. Отдельно отмечается, что степень информативности музыкальных знаков во многом зависит от контекста исторической эпохи, в которую музыкальное произведение было написано. Особое место в исследовании занимает рассмотрение процесса дирижерской интерпретации, а также тот факт, что дирижирование представляет собой особый семиотический процесс, функция дирижера выступает не только в виде организатора коллективного исполнения, но и в роли «переводчика» семиотической системы музыкального текста нотной партитуры в семиотическую систему дирижерских жестов, а процесс семиотического анализа знаковой стороны нотного текста предшествует процессу герменевтического осмысления внутреннего содержания нотной партитуры, выработке определенного музыкального образа. На примере исполнения П. Булезом фрагмента симфонии № 5 *cis-moll* Г. Малера рассматривается сущность процесса дирижерской интерпретации, для чего проводится сравнение его трактовки с трактовкой дирижера Г. фон Караяна, а также анализируется исполнение П. Булезом увертюры к опере «Тристан и Изольда» Р. Вагнера, что позволяет выявить особое внимание данного дирижера к разворачиванию музыкальной конструкции, что является одним из ключевых факторов достижения объективности раскрытия музыкального содержания.

Ключевые слова: семиотика, герменевтика, интерпретация искусства, музыкальный текст, музыкальная интерпретация, дирижерская интерпретация, П. Булез

В философской парадигме эпохи постмодернизма особое место занимает подход к анализу окружающих явлений, опирающийся на интерпретационно-текстологическую установку. Такие философские направления, как прагматизм, герменевтика, структурализм, постструктурализм и другие, оказавшие влияние на философию постмодернизма, с разных сторон анализируют процесс восприятия и интерпретации текстов, как литературных, так и текстов в широком смысле.

Особое место среди этих направлений занимает семиотика как учение о знаках и их интерпретации, а также герменевтика как наука о достоверности трактовки смысла текста. Процесс интерпретации при этом играет ключевую роль, а поиск «правильного» истолкования того или иного знака, а также смысла текста в целом зачастую становится самоцелью вне зависимости от получаемого результата.

Семиотический подход играет, на наш взгляд, особую роль в музыкальном искусстве в связи с тем, что музыканты имеют дело с музыкальными знаками, которые они интерпретируют в процессе исполнения.

Герменевтический подход к музыкальному анализу на данный момент является весьма актуальным и находится в стадии активной разработки в отечественной философии искусства. Также интересным представляется процесс музыкального исполнения как результата интерпретации.

Сущность семиотического подхода в исследовании окружающих явлений заключается в принятии изучаемого предмета в качестве знака или знаковой системы. Как пишет В.С. Плохотнюк: «Под “семиотикой” подразумевается вся область знаний о любых феноменах культуры и природы, рассматриваемых в качестве знаковых систем либо отдельных знаков» [Плохотнюк 2010, с. 124]. Такой подход становится возможен и необходим при наличии как минимум трех составляющих: *означаемое* (какой-либо объект или явление), *означающее* (знаки, посредством которых выражено означаемое) и *интерпретатор* (субъект, осуществляющий процесс интерпретации). Выдающийся американский философ, основатель прагматизма Чарльз Пирс так пишет о природе знака: «Знак, или репрезентатив, есть нечто, что замещает (*stands for*) собой нечто для кого-то в некотором отношении или качестве» [Пирс 2000, с. 48].

Однако знаки и стоящие за ними объекты редко воспринимаются субъектом изолированно, обособленно одни от других. Чаще знаки объединяются в последовательности и составляют более сложную структуру – *текст*. Е.А. Елина замечает, что «всякая осмысленная знаковая структура, передающая определенное целостное значение, есть семиотический текст» [Елина 2012, с. 38].

Таким образом, процесс семиотического анализа текста есть раскрытие значения, *означаемого* (содержание текста) *интерпретатором* (субъектом) посредством анализа *означающего* (в случае текста лингвистического – простые знаки – *буквы*; сочетание простых знаков – *слова*, имеющие свои означаемые и составляющие более сложную структуру – *собственно текст* и т. д.). Например, при чтении данного текста значение составляющих его слов является *означаемым*, слова, представляющие собой комплекс буквенных знаков, есть *означающее*, а читатель – *интерпретатор текста*. При этом и автор, и читатель должны находиться в одной *знаковой системе*. Как отмечает В. Ким:

Семантическая же знаковая система предполагает, что субъекту известны те объекты, которые представлены входящими в нее знаками, известна та совокупность предметов (предметная область), которая замещена данной знаковой системой, содержащей в себе правила перехода от знака (и их совокупности) к представленному им объекту [Ким 2008, с. 84].

Одной из главных проблем семиотического анализа является субъективность конечного результата, которая проявляется по той причине, что за одними и теми же знаками могут скрываться различные означаемые, в том числе сами по себе становящиеся означающими (знаки, отсылающие к другим знакам), а также:

Если текст есть знак, то и смысл произведения тоже становится знаком, который может быть истолкован при помощи новых мыслительных знаков, а каждая мысль может быть интерпретирована в другой мысли [Макурова 2014, с. 24].

Помимо вышеназванных проблем, также возможна *смысловая* неоднозначность конечного результата анализа текста, о чем будет сказано далее.

Содержание, которое автор хотел выразить в тексте с помощью знаков, интерпретатор раскрывает с точностью, зависящей от информативности означающих (чем больше слов в тексте, описывающих разные аспекты одного и того же объекта, тем больше вероятность объективного и наиболее полного понимания интерпретатором значения авторского текста).

Таким образом, текст представляет собой *структуру знаков*, обладающую относительной информативностью, за которой скрывается *значение текста*, выраженное автором, и которое интерпретатор раскрывает, находясь в одной с автором знаковой системе.

Такой интерпретационно-текстологический подход применим не только при анализе литературного текста, но и при взаимодействии

с любыми объектами, имеющими текстовую природу. Как пишет Н.Ю. Ланцевская:

Знаки, объединяясь в системы, превращают окружающую реальность в культурный текст, который мы читаем. Речь не только о тексте как графическом объекте, речь о любой системной информации, которая поступает в наш мозг и подвергается анализу [Ланцевская 2022, с. 106].

В отличие от семиотической методологии, которая в большей степени фокусирует внимание на сущности внешней, знаковой стороны исследуемого предмета, герменевтическая методология ставит своей целью правильное раскрытие его внутренней, смысловой стороны. Сущность герменевтической методологии заключается в *правильном, достоверном* толковании какого-либо предмета, текста, события и т. д. С точки зрения герменевтики интерпретировать можно не только знаки и стоящие за ними значения, но и любое явление вообще, ведь

Герменевтика... распространяется на все сферы, в которых оперируют текстом в широком смысле слова: любой семиотический комплекс может стать объектом герменевтического исследования, в том числе аудиотекст, а также иконический текст [Мисонжников 2012, с. 53].

При этом важнейшим условием правильности интерпретации является раскрытие *контекста*, в котором существует интерпретируемый предмет, так как «распознавание смыслов зависит от кругозора и чутья интерпретатора, то есть они зависимы от социокультурного контекста» [Емельянова 2009, с. 9]. Раскрытие контекста является важнейшей составляющей процесса интерпретации, так как чем больше накоплено знаний о контексте интерпретируемого предмета, тем более обоснованным будет результат интерпретации. Данные условия приводят интерпретатора, стремящегося достоверно раскрыть содержание предмета, к явлению, называемому *герменевтический круг*. Сущность этого явления можно истолковать по-разному: 1) с одной стороны – герменевтический круг возникает при интерпретации целого явления путем интерпретации его частей, но смысл частей становится ясен только в контексте смысла целого; 2) с другой стороны – герменевтический круг возникает в связи с тем что интерпретатор не просто толкует «чистый» авторский текст, но неизменно привносит туда собственные субъективные ассоциации из своего «внутреннего мира». При изменении наполнения «внутреннего мира» интерпретатора могут возникнуть совершенно новые результаты интерпретации, без изменения в исходном авторском тексте, что вновь приводит к круговому процессу.

При интерпретации произведений искусства герменевтический подход приобретает ряд особенностей в связи с тем, что содержательная сторона объекта искусства может намеренно быть выражена автором недостаточно ясно, амбивалентно или абстрактно, что выводит вопрос о «правильности» толкования в иную плоскость. Данная проблема приобретает особую актуальность в соотношении с творчеством авторов, для которых форма зачастую сама является сущностью произведения искусства, а различные варианты толкования могут отличаться крайней полярностью, будучи при этом в равной степени обоснованными. Это явление описывает В. Рыбаков: «Основной эффект абстракционизма в том, что даже если картина и написана художником в соответствии с некими соображениями, даже если цвета и формы подобраны неслучайно, выверясь в соответствии с определенной теорией, то зрителю, в любом случае, об этих внутренних соображениях художника ничего не известно, и он «вынужден» воспринимать полотно таким, какое оно есть, лишенный руководств и подсказок» [Рыбаков, 2013 с. 213]. Примеры таких произведений можно встретить, на наш взгляд, в творчестве Василия Кандинского и Казимира Малевича в живописи, Джеймса Джойса и Марселя Пруста в литературе, Альберто Джакометти и Генри Мура в скульптуре, а также многих других представителей художественного творчества. Из вышеназванных проблем, на наш взгляд, следует вывод, что содержательная сторона произведения искусства зачастую сама по себе является весьма субъективной, в связи с чем сложно составить суждение о правильности и достоверности того или иного результата толкования, а интерпретатор при этом раскрывает не столько содержание замысла автора, сколько содержание собственного мнения об этом замысле.

Проблематика субъективности интерпретации приобретает особую остроту в эпоху постмодернизма, где часто автор не оставляет даже гипотетической возможности «правильного» истолкования собственного творения в связи с тем, что структура, а с ней и содержание объекта искусства могут выстраиваться заново при каждой новой попытке его интерпретировать (в качестве примера можно привести романы Милорада Павича в литературе, музыкальные произведения, написанные в технике алеаторики, и т. д.).

Вышеизложенные проблемы правильности интерпретации, ее соответствия замыслу автора могут, на наш взгляд, привести к выводу, что сущность раскрытия содержания произведения искусства может в большей степени зависеть от интерпретирующего его субъекта, чем от автора.

Однако проблемы интерпретации, обозначенные выше, не обязательно должны возникнуть в исчерпывающей полноте. Если обратиться к произведениям искусства эпохи Просвещения или роман-

тизма, у интерпретатора зачастую будет гораздо больше возможностей отыскать если не единственно правильную, то *достаточно обоснованную* трактовку авторского замысла. Данное явление возникает, на наш взгляд, по той причине, что авторский замысел, выраженный в формальных составляющих, может быть прочитан интерпретатором с разной степенью точности.

Выше были оговорены особенности процесса интерпретации в контексте методологии семиотики и герменевтики. Однако сущность понятия интерпретации в приложении к философии искусства требует отдельного пояснения.

Как известно, интерпретация (от лат. Interpretation – «разъяснение, истолкование») – это процесс понимания внутреннего содержания какого-либо объекта или явления посредством анализа его внешних проявлений (знаков, жестов и т. д.). Процесс интерпретации любого произведения искусства является сложным, многоставным актом взаимодействия между субъектом, нацеленным на восприятие произведения искусства, и объектом – самим артефактом искусства. Субъект воспринимает произведение искусства и составляет о нем свое собственное, неповторимое суждение, которое зачастую отличается крайней субъективностью. При этом субъективность результата восприятия произведения искусства касается не столько формальной – внешней стороны объекта, сколько его содержательной – внутренней стороны. В таком весьма схематичном виде может представляться восприятие живописного, литературного, либо архитектурного произведения, где выразительная сторона (за исключением абстрактной живописи, весьма близкой в этом контексте к музыкальному искусству) остается интенциональной вне зависимости от содержательной. Данная особенность восприятия обусловлена тем, что объекты, отображенные художником на картине, характер мазка, цветовая палитра, а также геометрические пропорции, особый композиционный ансамбль, текстура материала архитектурного строения редко вызывают сомнения у воспринимающего их субъекта и легче поддаются однозначному формальному анализу.

Подводя итог рассмотренных особенностей процесса семиотической и герменевтической интерпретации, можно сделать вывод, что данные подходы используются при интерпретации произведения искусства в качестве равноценных, однако происходят они не в одновременности. Так, на наш взгляд, семиотическая интерпретация предшествует интерпретации герменевтической. Это происходит по той причине, что изначально объект искусства воспринимается субъектом-интерпретатором как некий семиотический комплекс, безотносительно к смысловому содержанию этого объекта. Интерпретатор сначала раскрывает только *значение* семиотического ком-

плекса произведения искусства и лишь затем, привлекая методологические приемы герменевтического подхода (контекст, внутренний мир и т. д.), интерпретатор принимает попытку раскрыть *смысл* воспринимаемого произведения.

Таким образом, можно сделать вывод, что процесс интерпретации произведения искусства предполагает соединение результатов семиотической и герменевтической интерпретации и формирует целостное представление о данном предмете.

Процесс интерпретации *музыкального текста* содержит такие же компоненты (означающее, означаемое, интерпретатор), что и интерпретация лингвистическая. Однако процесс музыкальной интерпретации значительно усложнен за счет того, что система музыкальных знаков (ноты, штрихи, динамика и т. д.) обладает гораздо менее конкретной информативностью, чем буквенно-числовая система лингвистического текста. *Означаемым*, в системе музыкальных знаков, в отличие от лингвистических, будет не конкретный смысл слов, составляющих текст, а лишь чисто музыкальные, абстрактные аспекты (высота звука, относительная степень динамики, характер музыки и др.). Е.В. Васильева пишет об этом:

Нотная графема соотнесена со звуком – она поддерживает принцип знака, находит свой прямой акустический эквивалент, но этот эквивалент лишен формального содержания. Музыкальная конструкция демонстрирует схему, где звук не соотнесен со значением: означающее лишено смыслового наполнения [Васильева 2015, с. 32].

Сложные структуры музыкального текста (музыкальные фразы, гармония, форма и пр.), состоящие из простых музыкальных знаков (отдельные ноты, штрихи и т. д.), хотя добавляют информативность музыкальному тексту, тем не менее не вносят конкретики в понимание значения музыкального текста, смысл которого не становится менее абстрактным, так как

Музыкальная конструкция создает форму которую априори сложно подтвердить или опровергнуть в силу отсутствия фиксированного значения. И в этом смысле музыкальная форма интересна сама по себе: она предполагает создание значения, которое находится за пределами рационального смысла [Васильева 2015, с. 33].

Таким образом, музыкальный текст, «составленный» композитором, крайне подвержен различным субъективным способам интерпретации при его исполнении (каким должно быть *ritenuto*, какая градация между *piano* и *forte* и т. д.). Именно поэтому можно наблю-

дать множество различных трактовок исполнителями одного и того же произведения. Выдающийся итальянский философ Умберто Эко писал:

Композитор выражает свой замысел в условных символах, которые в большей или меньшей степени обязывают возможного исполнителя воспроизводить ту *музыкальную форму* (курсив мой. – А. Х.), которую создал автор [Эко 2005, с. 85].

Из вышесказанного следует, что наиболее объективной стороной музыкального текста выступает его структурная составляющая. Соответственно субъективность исполнительской трактовки того или иного музыкального текста будет наименее интенсивно проявляться именно в контексте музыкальной формы, которая

...в широком эстетическом смысле есть структурированная общность компонентов музыкального произведения, звуковых феноменов, воплощающая творческий замысел, музыкальную идею композитора [Брузгене 2009, с. 99].

В более узком смысле, музыкальная форма, понимаемая как музыкальная конструкция, возникает не на пустом месте, а как результат взаимодействия определенных фрагментарных ритмо-гармонических и мелодических структур, объединенных в единое целое. Следовательно, особенности конструктивной стороны музыкального произведения, на наш взгляд, могут быть в определенной степени объективно выявлены.

Степень субъективности трактовки тех или иных музыкальных знаков во многом зависит от особенностей и традиций эпохи, в которую было написано произведение. Так, система записи средневековой музыки с помощью невматической нотации предполагает низкую степень объективности отражения замысла композитора в результате того, что невма может быть трактована исполнителем различным образом, в зависимости от традиции ее чтения и литературного содержания произведения. Так, один и тот же знак невмы может означать один звук или несколько, при этом не имея никакого указания на ритм, который полностью зависит от произносимого литературного текста. При использовании такого типа нотации невозможно выстроить стабильную музыкальную форму в связи с отсутствием точности в фиксации ритмо-гармонических структур.

Появление линейной нотации, которая закрепляла каждый звук за своим знаком, а также позволившая четко фиксировать ритмическую составляющую музыки, повысило точность музыкальной

записи, что позволило композиторам больше внимания обратить на структурную составляющую музыки.

Одной из сложных творческих задач для исполнителей является исполнение музыки эпохи барокко. Проблема, с которой зачастую сталкиваются современные исполнители, заключается в том, что композиторы этой эпохи редко оставляли в нотном тексте информацию о темпе, характере и динамике, а музыкальная форма произведений часто является неоднозначной, амбивалентной. В зависимости от установки исполнителя-интерпретатора можно выделить два генеральных направления: объективное, которое заключается в стремлении максимально точно прояснить композиторский замысел в низкоинформативной знаковой системе, либо субъективное, которое заключается в восполнении отсутствующих составляющих музыкального текста, в опоре на собственные субъективные представления исполнителя или редактора.

Последующие эпохи вплоть до XX в. совершенствуют линейную систему нотации, дополняя ее теми или иными компонентами (указания темпа, характера, динамики и т. д.), но интерпретация произведений классической и особенно романтической эпохи по большей части предоставляет исполнителю значительную степень свободы.

Композиторы классического стиля при написании музыки во многом руководствовались принципами рациональности и разумной достаточности в использовании музыкальных средств. В их произведениях повысилась информативность музыкального текста за счет появления в нотах обозначений темпа, характера и динамических оттенков. Также большую роль при интерпретации музыки композиторов этой эпохи играет стремление к кристаллизации музыкальной структуры, что позволяет исполнителю более объективно проанализировать формальную сторону композиторского замысла.

С музыкой эпохи романтизма в значительной мере связана субъективность музыкальной интерпретации. Данное явление вызвано тем, что именно эпоха романтизма наиболее остро поставила вопрос о роли личности и индивидуальности в искусстве. Композиторы в большей мере, чем раньше, задались целью выработки оригинального, индивидуального стиля, нахождения собственного музыкального пути. Это повлекло за собой тенденцию со стороны композиторов обращать больше внимания на такие средства музыкальной выразительности, как агогика, гармония, музыкальная форма и инструментовка.

Индивидуализация музыкального языка потребовала от композиторов поиска большей точности записи собственного замысла в нотной знаковой системе, что, однако, не всегда получалось полностью реализовать. Попытка дать исполнителю как можно больше «подсказок» об особенностях характера исполнения, нюансировке

и т. д. зачастую приводила к поиску более дифференцированной системы динамики, темповых обозначений, нетипичных решений в области оркестровки и т. д. Однако увеличение количества знаковых составляющих музыкального текста привело не только к большей его точности, но и к большей субъективности звукового результата, что повысило роль исполнителя произведения, от которого требовалась не только способность исполнить написанное в нотах, но и особое «чувство стиля» того или иного композитора.

В XX веке, особенно во второй его половине, предпринимались попытки максимально уточнить нотную запись посредством различных приемов. Так, например, в первой части «Симфонии в трех движениях» композитор Игорь Стравинский не выставляет словесное обозначение темпа и характера музыки, а обозначает только количество ударов метронома в минуту, что лишает исполнителя возможности выбрать собственный темп. Также произведения, в которых применяется сериальная техника композиции, содержат весьма ясные соотношения в динамике и структуре произведения, что дает исполнителю более объективное представление о предполагаемом звуковом результате.

Таким образом, можно сказать, что семиотическая интерпретация музыкального произведения во многом зависит не только от информативности музыкального текста, но и от контекста эпохи, в которую произведение писалось. Знание исторического контекста позволяет исполнителю определить собственную установку на чтение музыкальных знаков, то, насколько объективно или субъективно, точно или свободно необходимо относиться к написанному в нотах.

Все рассмотренные проблемы относятся прежде всего к внешней стороне музыкального текста – то, каким образом текст написан, с какой степенью объективности следует относиться к нотным знакам и как исполнитель должен их интерпретировать. Таким образом, процесс интерпретации музыкального текста с использованием семиотической методологии есть процесс раскрытия значения данного текста – внешней формы звучания произведения. Как пишет А.В. Малинковская:

Выработанные нормы музыкального письменного текста, графические конструкты ассоциируются прежде всего со структурно-аналитической организацией звукового материала [Малинковская 2021, с. 38].

Однако не менее важной задачей нам представляется процесс раскрытия содержательной стороны музыкального текста, понимание его смыслообразующей стороны. Данный вопрос будет разработан ниже.

Применение герменевтической методологии к интерпретации музыкального текста вызывает еще больше сложностей в связи с тем, что музыкальное искусство само по себе является абстрактным, невербальным, а поиск верного толкования содержания музыки у разных интерпретаторов может привести к противоположным результатам по причинам, оговоренным выше.

Однако было бы опрометчиво утверждать, что методология герменевтики неприменима в области музыкального искусства. Для ее успешного использования необходимо выделить из музыкального текста ту сторону, которую можно хотя бы в некотором смысле вербализовать и составить о ней *достаточно обоснованное суждение*. Д.Д. Успенский пишет об этой проблеме:

Исследование невербальных текстов, таким образом, есть исследование того вербализуемого в них, что может существовать в рамках слова. Внесловесный же остаток остается непереводаемым [Успенский 2005, с. 66].

Такой вербализуемой стороной является *музыкальное содержание*, а конечным результатом интерпретации будет *музыкальный образ*.

Понятие «музыкальное содержание» на данный момент находится в процессе становления и кристаллизации в научной музыковедческой среде. Мы приведем его в формулировке Валентины Холоповой, которая внесла серьезный вклад в становление данного понятия: «...содержание музыки – ее выразительно-смысловая сущность» [Холопова 2007, с. 17]. Но как эта сущность проявляется в музыкальном тексте? На этот вопрос существуют различные варианты ответа, однако на фундаментальном уровне можно выявить три стороны проявления музыкального содержания: *эмоциональная, изобразительная и символическая*. Рассмотрим каждую из них отдельно.

Эмоциональная сфера содержания музыки – одна из наиболее явных, с одной стороны, и одна из наиболее абстрактных – с другой. Сложно представить себе музыку без эмоций, хотя попытки создания таких произведений были предприняты представителями западноевропейского музыкального авангарда второй половины XX в. Эмоциональность в музыке напрямую связана с понятиями музыкальной интонации, ритма и тембра, что дает нам возможность провести семиотический анализ музыкального текста, выявив относительно более объективные его стороны (интервалы, аккорды, инструментовка, ритмическая структура и т. д.) и на основании этого выстраивать собственную концепцию эмоционального содержания того или иного раздела музыкального произведе-

дения. Безусловно, такой подход будет не в полной мере объективен, однако он будет соответствовать принципу *достаточного обоснования* нашей трактовки.

Изобразительная сторона содержания музыки является более близкой к объективности в связи с тем, что изобразительность предполагает наличие ассоциаций с каким-либо объектом, поддающимся вербальному осмыслению (шум моря, пение птиц, шелест листьев и т. д.). Это позволяет интерпретатору дополнить музыкальный образ более объективными вербализируемыми ассоциациями. Необходимо отметить, что далеко не в каждом музыкальном произведении присутствует изобразительность. Данная сторона музыкального содержания более характерна для музыки эпохи романтизма.

Третьей стороной музыкального содержания является символическая. Ее сущность заключается в наличии в музыке определенных интонационных, гармонических и ритмических фигур, за которыми закрепились устойчивые символические ассоциации (например, средневековая секвенция “*Dies irae*” (день гнева), используемая многими композиторами как символ смерти, или «Тема Судьбы» из Симфонии № 5 Людвига ван Бетховена). Особенность музыкальной символики заключается в том, что выражена она исключительно музыкальными средствами. Как и изобразительность, символика присутствует далеко не во всех произведениях. Расцветом музыкального символизма считается эпоха барокко, где была разработана символика тональностей, а также целая система музыкальных риторических фигур.

Безусловно, понятие «музыкальное содержание» не исчерпывается в полной мере вышеприведенными сторонами, однако они, на наш взгляд, являются фундаментальными частями этого понятия.

Необходимо отметить, что анализ, как семиотический, так и герменевтический, является, по сути, лишь подготовкой интерпретатора к следующему этапу – исполнению музыкального произведения.

Процесс интерпретации музыкального текста схож с процессом интерпретации других произведений искусства. Однако когда дело касается произведения музыкального, процесс усложняется, во-первых – отсутствием четкого, обусловленного в формальном языке содержания (все, чем мы располагаем при восприятии музыки – чувственно-ассоциативный ряд), во-вторых – сложностью в объективном определении структурной стороны музыкального произведения (вспомним про «полифонию структур» в музыке И.С. Баха и др.), и наконец – наличием дополнительного, промежуточного субъекта в процессе восприятия – исполнителя музыкального произведения, который вносит свою субъективную трактовку и в формальную, и в содержательную сторону произведения до того, как оно будет вос-

принято другим субъектом. Таким образом, в области музыкального искусства особое значение приобретает процесс раскрытия исполнителем формальной стороны музыкального произведения, которая выражена посредством *музыкального текста*, а также воплощением результата этого процесса при помощи средств музыкальной выразительности. Этот процесс можно охарактеризовать как интерпретация музыкального текста, которая

...неразрывно связана с той смыслоценностной нагрузкой музыкальных текстов и авторских произведений, которые воспроизводят исполнители. Отсюда встает необходимость объединения феноменолого-герменевтической и семиотико-аксиологической методологии в свете анализа смыслоценностных слоев как восприятия музыки, так и музыкальных текстов [Капичина 2016, с. 73].

Как было прояснено в предыдущих главах, процесс интерпретации музыкального текста происходит с использованием методологии семиотики и герменевтики. Однако музыкальное искусство, являющееся временным по своей природе, не может существовать вне процесса музыкального исполнения. Музыкальный текст, будучи «закодированным» в нотных знаках, а также музыкальный образ, являющийся содержанием этого текста, представляется в некотором смысле как «вещь в себе», в связи с тем, что существовать в полной мере данный текст, на наш взгляд, начинает лишь при его «озвучивании» – исполнении на музыкальном инструменте.

Однако в связи с вышеобозначенными проблемами семиотической неинформативности нотных знаков, а также герменевтической содержательной неоднозначности можно сделать вывод, что исполнитель музыкального произведения является, в определенном смысле, соавтором, ведь без его участия музыкальный текст так и останется «вещью в себе». Исходя из этого, исполнитель представляется нам не просто как транслятор слепой воли автора произведения, но и как субъект, способный кардинально изменить концепцию всего произведения. Это допущение накладывает на исполнителя существенную ответственность при подготовке (не только технической, но и содержательной) к исполнению произведения, так как принятие или не принятие произведения публикой может кардинально измениться в зависимости от убедительности исполнения (в истории музыки существует масса тому подтверждений), а

Интерпретация произведения несет собой новое содержание, которое музыкант-исполнитель должен уметь передать, а значит, понять, осознать, осмыслить [Переверзева, Орехова 2019, с. 130].

Таким образом, перед исполнителем стоит задача выработать достаточно обоснованное представление о смысле музыкального текста. Схематически этот процесс можно представить в виде следующих этапов: 1) семиотический анализ музыкального текста, выявление степени точности авторских указаний, с учетом музыкальной эпохи и авторского стиля; 2) герменевтический анализ музыкального текста, включающий в себя изучение *контекста* исполняемого произведения (историческая эпоха, биография автора и т. д.); 3) выработка собственного представления о музыкальном образе исполняемого произведения. Только после прохождения этих этапов исполнитель «озвучивает» музыкальный образ через исполнение на музыкальном инструменте. Как пишет Л.Ф. Ивонина: «Самым основным в сущностном содержании “живого” исполнения является процесс “перевода”, “перекодирования” смыслового контента в звук» [Ивонина 2019, с. 2].

В таком виде процесс музыкальной интерпретации можно представить при наличии небольшого числа исполнителей (солист или камерный ансамбль), которые могут согласовать между собой все вышеназванные аспекты. Однако если исполнителей много (оркестр), возникает необходимость в субъекте, отдельно согласующим все стороны исполнения – дирижере, поэтому процесс дирижерской интерпретации будет рассмотрен отдельно.

Когда речь заходит о дирижерской интерпретации, процесс «декодирования» музыкального текста, а также выработки музыкального образа приобретает особый способ воплощения за счет добавления к нему еще одной составляющей детали – дирижера, играющего роль «переводчика» из одной знаковой системы (нотная партитура) в другую (комплекс дирижерских жестов). Григорий Крейдлин в своей работе «Невербальная семиотика» пишет:

Жестовые последовательности могут образовывать жестовые семиотические акты, подобно тому, как речевые высказывания комбинируются в акты речи... [Крейдлин 2002, с. 48].

Дирижер после всестороннего осмысления музыкального текста, выраженного в нотной знаковой системе партитуры, должен передать результат своей интерпретации – музыкальный образ – не напрямую, через музыкальный инструмент, а посредством другой знаковой системы – системы дирижерских жестов. Как отмечает А.А. Афанасьева:

Мануальные средства и объективное содержание музыки как бы взаимодействуют в процессе дирижирования. Музыка определяет выразительность жеста, жест конкретизирует сущность музыки. Следовательно,

руководя исполнением, дирижер использует как воздействующую силу музыки, так и выразительность собственных движений [Афанасьева 2018, с. 110].

Однако музыканты оркестра тоже непосредственно участвуют в процессе интерпретации музыкального текста и создании музыкального образа, так как они интерпретируют и воспроизводят ноты, штрихи, динамику и другие знаки, записанные в оркестровых партиях. В чем же тогда задача дирижера? Ответ на этот вопрос заключается в том, что при оркестровом исполнении музыканты оркестра непосредственно интерпретируют только семиотические знаки (ноты, штрихи и т. д.), а дирижер руководит трактовкой *смысловых* параметров музыкального текста (музыкальная форма, образно-смысловое наполнение) и *вносит конкретику* в исполнение различных нюансов, выраженных в нотном тексте (*ritenuto*, *piano*, *forte* и т. д.) оркестровым коллективом. В исследованиях, посвященных искусству дирижирования, можно встретить следующее высказывание:

...дирижирование является прежде всего средством невербальной коллективной коммуникации, способом художественного прочтения и интерпретации музыкальной пьесы, воплощая в себе язык музыкальной выразительности, развертывания музыкальной речи [Царев 2020, с. 233].

Таким образом, дирижер более глобально направляет процесс интерпретации музыкального текста коллективом оркестра. Выдающийся дирижер и теоретик дирижирования Илья Мусин пишет:

В конечном счете, качество исполнения зависит от уровня восприятия исполнителями нотного текста, а перед дирижером стоит более сложная задача осуществления соответствующего воздействия на исполнителей с тем, чтобы передать им собственное понимание содержания произведения [Мусин 2006, с. 36].

Таким образом, можно предположить, что процесс интерпретации музыкального текста дирижером осуществляется по закономерностям семиотической и герменевтической методологии, как было рассмотрено выше.

В качестве иллюстрации процесса дирижерской интерпретации предлагаем обратиться к творчеству одного из крупнейших композиторов и дирижеров XX века – Пьера Булеза.

Пьер Луи Жозеф Булез (1925–2016) – один из лидеров Дармштадтской композиторской школы, музыкант, во многом определивший

вектор развития послевоенного музыкального авангарда в Европе. Обучался композиции в Парижской консерватории у Оливье Мессиана и Рене Лейбовица, посещал курсы дирижирования Германа Шерхена и Ханса Росбауда.

Благодаря Булезу в Париже в 1976 г. был основан ансамбль *InterContemporain*, специализирующийся на исполнении современной музыки. Также, по поручению Жоржа Помпиду, в 1977 г. в Париже Булезом был открыт Институт исследования и координации акустики и музыки (*IRCAM*), ставший центром исследования музыкальной акустики и электронной музыки. Через *IRCAM* прошли многие выдающиеся композиторы, среди которых, например, Лучано Берно, Харрисон Бёртуистл, Жерар Гризе, Эдисон Денисов, Янис Ксенакис, Карлхайнц Штокхаузен и другие.

Булез является одним из выдающихся дирижеров второй половины XX века. В разные годы он руководил симфоническими оркестрами Кливленда, Нью-Йорка, BBC и другими. В репертуар дирижера входили в основном произведения композиторов XX в. Булез осуществил множество премьер произведений своих современников, оставил огромное наследие звукозаписей. Важнейшими вехами дирижерской карьеры была премьера полной версии оперы «Лулу» Альбана Берга в 1979 г., а также осуществление записи полного собрания сочинений Антона Веберна в 1991 г. с ансамблем *InterContemporain*.

Будучи ярким представителем французского авангарда, экспериментируя с различными видами композиторской техники, Булез, на наш взгляд, определил главную задачу для себя, как для дирижера, в максимально точном исполнении замысла композитора, дистанцирования субъекта личности дирижера от исполняемого произведения, отказ от нарочитой эмоциональности в исполнении, а вместо этого – повышенное внимание к особенностям структуры произведения, наиболее полному и точному анализу деталей партитуры. Такой подход к музыкальному материалу можно, на наш взгляд, назвать «холодным».

Очень ярко особенности дирижерской интерпретации Булеза можно проследить на его записях музыки Густава Малера. Рассмотрим этот процесс на примере симфонии № 5 *cis-moll*. Так, в разработке первой части симфонии происходит нагнетание эмоционального напряжения, начиная с цифры № 7 вплоть до кульминации в цифре № 10, что представляет собой относительно законченный фрагмент сложной музыкальной структуры. Примечательно, что в партии первых скрипок присутствует обозначение заливанных восьмых в подвижном темпе, а затем – обозначение «дубль штриха» и акцентов, что представляет собой систему музыкальных знаков, определенным образом влияющую на музыкальный образ.

Для более рельефного восприятия особенностей дирижерского прочтения данного фрагмента П. Булезом предлагаем сопоставить его с дирижером, находящимся, на наш взгляд, во многом с противоположного «музыкального полюса» – Гербертом фон Караяном. Сравнение дирижерской интерпретации данного фрагмента в записи П. Булеза и в записи Г. фон Караяна показывает следующие различия: если у Г. фон Караяна процесс нагнетания напряжения носит стремительный, порывистый характер, точность исполнения заливочных восьмых и «дубль штриха» у скрипок отходит на второй план, кульминация представляет собой итог развития фрагмента музыкальной формы, то у П. Булеза на первый план выходит именно филигранная точность лиг, четкость исполнения «дубль штриха», умеренность эмоционального накала и некоторая отстраненность кульминации, которая трактуется лишь как очередной этап непрерывного, но несколько сдержанного музыкального движения.

Данный эпизод достаточно ярко иллюстрирует подход Булеза к детальному анализу особенностей партитуры, который заключается в семиотическом осмыслении музыкального текста, «составленного» композитором, а также некоторой эмоциональной отстраненности образного содержания.

Не менее интересной чертой дирижерского стиля Булеза является его трепетное отношение к логике развертывания музыкальной структуры, которую он, на наш взгляд, ставит на первый план в сравнении с эмоциональным накалом музыкального движения.

Ярчайшим примером «булезовского» отношения к особенностям музыкальной структуры является его исполнение вступления к опере «Тристан и Изольда» Рихарда Вагнера. Стремление Вагнера к созданию «бесконечной мелодии» в данном произведении привело композитора к некоторой размытости граней музыкальной формы, поэтому многие дирижеры предпочитают отодвигать формообразующую сторону на второй план, компенсируя ее эмоциональным перенасыщением музыкального движения. Булез же при исполнении данного произведения поступает по-другому. Он выявляет в мелодико-гармоническом развитии ключевые кульминационные точки, но не изолирует их друг от друга, а использует в качестве опорных пунктов для движения в сторону генеральной кульминации, которую, симптоматично, несколько затушевывает, выводя баланс структуры произведения на передний план по сравнению с эмоциональным содержанием. Таким образом, процесс интерпретации структуры музыкального произведения, на наш взгляд, имеет для Булеза ключевое значение.

Анализируя дирижерскую деятельность Пьера Булеза, можно сделать вывод, что сверхзадача его интерпретации музыкального произведения проявляется в избегании привнесения собственного

субъективного отношения к музыкальному тексту, а стремление, насколько возможно, объективно воспроизвести композиторский замысел, выраженный в музыкальном тексте. Насколько в принципе возможна реализация данной сверхзадачи – вопрос, на который сложно ответить. Такая установка, на наш взгляд связана с тем, что Булез, как яркий представитель авангарда, пытался исключить из собственной интерпретации музыки наиболее субъективные составляющие, делая акцент на формальном семиотическом прочтении и точном выполнении авторских указаний. Насколько данный подход соответствует природе музыкального искусства – вопрос отдельных исследований в области философии искусства.

Подводя итог, необходимо отметить, что интерпретационно-текстологический подход к анализу музыкальных произведений с применением методологической базы семиотики и герменевтики – явление, не так давно возникшее в отечественном музыковедении и – шире – философии искусства. Такой подход открывает совершенно новые возможности осмысления музыки, предлагает использовать категориальный аппарат из смежных разделов искусств в преломлении к музыкальному тексту, что дает возможность более глубоко исследовать природу музыкального искусства.

С позиции семиотики, в связи с обозначенными выше принципиальными особенностями музыкального текста в целом, а главное – крайней субъективности в трактовке его содержания, мы видим, что музыкальные знаки как таковые несут недостаточно информации для построения объективного суждения о смысловой составляющей этого текста, что неизбежно приводит к необходимости субъективного к нему отношения. Однако важно отметить, что стремление к максимально точному и объективному воспроизведению хотя бы тех аспектов музыкального текста, которые наиболее информативны, концентрация на особенностях логики развертывания музыкальной структуры, а также сознательное дистанцирование от эмоционально-содержательной стороны музыки позволяют исполнителю в достаточной мере объективно воплотить те стороны композиторского замысла, которые *могут быть* объективно отражены в музыкальном произведении. Однако необходимо отметить, что стремление к объективности трактовки за счет эмоциональной отстраненности не может приниматься нами за самоцель интерпретации, в связи с тем что музыкальное искусство (в подавляющем большинстве случаев) теснейшим образом связано с эмоциональной сферой человеческой деятельности. Субъективность конечного результата интерпретации, на наш взгляд, неизбежно будет в той или иной степени наличествовать при исполнении произведения.

Что касается стремления к правильности трактовки смысла музыкального текста, особое значение приобретает знание интерпре-

татором произведения всей полноты контекста, в котором произведение существует, так как от этого контекста зависит степень обоснованности и оправданности музыкального образа, который создает интерпретатор при подготовке к исполнению.

Процесс музыкального исполнения представляется нам как результат проведенного анализа, сначала семиотического, а затем герменевтического (так как исполнитель прежде знакомится с нотными знаками, а после вырабатывает осмысленный музыкальный образ). Несмотря на субъективность результата герменевтического анализа и соответственно индивидуальность музыкального образа одного и того же произведения у разных исполнителей, на наш взгляд важным является степень обоснованности той или иной трактовки смысла музыкального текста, что напрямую зависит от точности раскрытия, означаемого нотных знаков, с одной стороны, и знания контекста произведения – с другой.

Безусловно, данное исследование не исчерпывает в полной мере вопросы, касающиеся семиотического и герменевтического подхода к анализу музыкального текста. В качестве дальнейшей направленности исследования автор видит разработку вопросов, касающихся понятия «реинтерпретации» как одной из актуальных проблем отечественной философии искусства, а также продолжение исследования взаимосвязи музыки с другими видами искусств, использующих семиотическую и герменевтическую аналитическую методологию.

Автор выражает искреннюю благодарность научному руководителю, доктору искусствоведения, профессору *Алле Николаевне Соколовой* за ценные замечания, позволившие улучшить качество данной статьи, а также кандидату искусствоведения, профессору 44 кафедры (инструментовки и чтения партитур) Военного института (военных дирижеров) Военного университета им. Князя Александра Невского *Вере Васильевне Зайцевой*, под научным руководством которой в годы обучения автора в институте возник замысел и первые версии данного исследования.

Литература

- Афанасьева 2018 – *Афанасьева А.А.* Художественная интерпретация как важная составляющая дирижерского исполнительства // Вестник Кемеровского Государственного университета культуры и искусств. 2018. № 45–2. С. 105–112.
- Брузгене 2009 – *Брузгене Р.* Литература и музыка: о классификациях взаимодействия // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2009. № 6. С. 93–99.

- Васильева 2015 – *Васильева Е.В.* Музыкальная форма и фотография: система языка и структура смысла // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. 2015. № 4. С. 28–41.
- Елина 2012 – *Елина Е.А.* Изобразительное искусство в интерпретациях: лингво-семиотический взгляд. Изобразительное искусство в интерпретациях. Саратов: ИЦ «Наука», 2012. 160 с.
- Емельянова 2009 – *Емельянова М.А.* Семиотика искусства в зеркале французского постструктурализма: Барт и Бодрийяр: Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Белгород, 2009. 21 с.
- Ивонина 2019 – *Ивонина Л.Ф.* Исполнительская интерпретация в условиях действительного времени: смысловое поле «Живого» исполнения // *Universum: филология и искусствоведение.* 2019. № 1 (58). С. 1–8.
- Капичина 2016 – *Капичина Е.А.* Проблема интерпретации музыки в контексте философского анализа (герменевтико-аксиологический подход) // *Studia Culturae.* 2016. № 29. С. 73–85.
- Ким 2008 – *Ким В.* Семиотика и научное познание. Философско-методологический анализ. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2008. 411 с.
- Крейдлин 2002 – *Крейдлин Г.* Невербальная семиотика. Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2002. 592 с.
- Ланцевская 2022 – *Ланцевская Н.Ю.* Семиотический анализ как методологический прием изучения литературы // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2022. № 1 (53). С. 105–107.
- Макурова 2014 – *Макурова С.Р.* Художественный текст и семиотический анализ // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates. 2014. № 1. С. 22–29.
- Малинковская 2021 – *Малинковская А.В.* Педагогические аспекты исполнительской интерпретации музыкального произведения // Музыкальное искусство и образование. 2021. Т. 9. № 3. С. 29–47.
- Мисонжников 2012 – *Мисонжников Б.Я.* Методологические основы герменевтики как средства отождествления текста // Гуманитарный вектор. Серия: Филология, востоковедение. 2012. № 4. С. 52–60.
- Мусин 2006 – *Мусин И.* Язык дирижерского жеста. М.: Музыка, 2006. 232 с.
- Переверзева 2019 – *Переверзева М.В.* Музыкальная герменевтика, семантика, семиотика и их роль в профессиональной подготовке музыканта // Ученые записки Российского государственного социального университета. 2019. Т. 18. № 4 (153). С. 124–130.
- Пирс 2000 – *Пирс Ч.* Начала прагматизма. Том 2. Логические основания теории знаков: Метафизические исследования. СПб.: Алетейя, 2000. 352 с.
- Плохотнюк 2010 – *Плохотнюк В.С.* Аксиоматизация семиологии и научный статус семиотики // *Terra Economicus.* 2010. Т. 8. № 4. С. 124–132.
- Рыбаков 2013 – *Рыбаков В.* Абстрактное искусство и эстетическоеприятие // *Studia Culturae.* 2013. № 15. С. 211–218.

- Успенский 2005 – *Успенский Д.Д.* Как возможен невербальный философский текст и его исследование // Сумма философии. 2005. Вып. 2. С. 64–70.
- Холопова 2007 – *Холопова В.Н.* Теория музыкального содержания как наука // Проблемы Музыкальной Науки. 2007. № 1 (1). С. 15–25.
- Царев 2020 – *Царев В.Н.* Язык дирижерского жеста в контексте педагогической праксеологии // Праксема. Проблемы Визуальной Семиотики. 2020. № 1 (23). С. 232–242.
- Эко 2005 – *Эко У.* Роль читателя. Исследования по семиотике текста. СПб.: Симпозиум, 2005. 502 с.

Abstracts

B.A. Pravotorov

Peculiarities of socio-professional adaptation
of russian intelligentsia in South America (1920–1940)

The article is devoted to the identification and consideration of factors and features of socio-professional adaptation of russian intellectuals in South America in 1920–1940. Special attention is paid to the contribution of russian intellectuals to the development of culture, science and economy of the region. The spread of Russian professional knowledge led to the birth of a mutually beneficial alliance between immigrant and Latin American communities.

Keywords: South America, emigration, adaptation, intellectuals, profession

Kseniya S. Sheviakova

Regions of energy resource production in expert
assessments of scientists in the 1920–1940s:
mechanisms of communication in the oil community

The focus of this article is on synchronous expert assessments of the world's oil production regions in the 1920–1940s. from the point of view of gaining possible experience for the development of national industry and understanding market conditions in the oil sector. Particular emphasis is placed on identifying communication mechanisms in the oil community, which makes it possible to clearly demonstrate how Soviet specialists reached out to various regions of energy resource production and studied them. These stories clarify the scientific vector of the USSR's foreign policy in the oil and gas industry during the specified period of time. The study of these individual subjects based on a wide range of documentation from the collections of the Russian State Archive of Economics and the State Archive of the Russian Federation (GARF), together with already published works, opens up new prospects for studying the "oil" factor, which became aggravated in the foreign policy of the USSR in the 1940s.

Keywords: oil industry community, oil and gas industry, oil exploration, oil production, world oil markets, USSR, Venezuela, England, USA, Romania

Valeriya V. Sliskova

“I believe that in this case
I am not responsible for the results”: one incident
in the Institute of Experimental Biology (1929)

The article aims to introduce into scientific use two documents that were written by a caretaker of the Institute of Experimental Biology (IEB) in 1929. The published documents are stored in the fund of IEB in the Archive of Russian Academy of Sciences (ARAS). The documents are a deed and a report that contain information about institute’s vivarium and how its provision in 1929. The vivarium was organized in the institute by its director N. Koltsov soon after the IEB had been founded in 1917. It provided all departments of the institute with laboratory animals for experimental studies. In the 1920s, when working conditions had been improved and funding had been increased, the vivarium enlarged and transformed into a full-fledged department of the IEB. However, it still required a lot of resources to keep working. Despite the measures that were taken by the management of the IEB to provide the vivarium with personnel, rooms and fodder, there were some problems. The published documents illustrate one incident that occurred in the IEB in 1929.

Keywords: Institute of Experimental Biology, vivarium, laboratory animals, N. Koltsov, R. Bekker

Anastasiya A. Koroleva

Intellectual foundations of M. Nechkina’s
criticism of M. Pokrovsky

The article considers transformation of the soviet historical project in the 1930s. It was connected to criticism of M. Pokrovsky’s school. Pokrovsky was an academic and prominent statesman who made an essential impact on history science in 1920s. Involvement of pokrovsky’s disciples in the collections of critical articles was a way for them to avoid reprisals. However, in case of M. Nechkina, one of the Pokrovsky’s disciples, articles became a tool to express her new concepts and point of view on some historical cases. She elaborated it while studding Lenin’s legacy.

Keywords: M.V. Nechkina, M.N. Pokrovsky, school of Pokrovsky, criticism, Soviet history project, historiography

Aleksei A. Kozhevnikov, Tamara A. Filippova

Internet resources and their possibilities
in the realization of image policy:
the example of the governors
of the Far Eastern Federal District

In the framework of this article the possibilities of Internet resources (personal pages of VKontakte) in the realization of image policy will be considered. Governors of the Far Eastern Federal District, namely Aysen Nikolaev (Republic of Yakutia) and Alexei Tsydenov (Republic of Buryatia) will be used as examples. The purpose of the study is to examine the peculiarities of information promotion in the Internet space of the image of the heads of the subjects of the Russian Federation (using A. Nikolaev and A. Tsydenov as examples). The authors analyze the activity of governors in the Internet space, and the data are given for 2021. To study the strategies of image building, quantitative data on the activity of governors were collected. In the course of the study, the authors also referred to various ratings: the National Rating of Governors, the Rating of Regions by Standard of Living, the Rating of the Center for Political Conjuncture (CPC) "Digital Portraits of Heads of Russian Regions". In the course of the work 4 features of information promotion of the heads of the Republic of Yakutia and the Republic of Buryatia in the Internet space were identified: 1) activity, 2) openness to dialog, 3) the presence of feedback from the governor, 4) the use of the national language of the republic.

Keywords: image, image policy, governors, Far Eastern Federal District, social networks, Internet space

Adam A. Khagba

Interpretation of musical text from
the positions of semiotics and hermeneutics

The article analyzes the process of interpretation of musical texts using the methodological basis of general semiotics and hermeneutics. The author analyzes the process of interpretation of works of art in general, the peculiarities of their external manifestation, as well as ways of revealing the inner content. The essence of the musical text as a sign system, as well as such concepts as signifier, signified, interpreter in the application to the musical text are considered. No less important is the problem of analyzing the internal content of a musical text that does not contain verbal meanings, which creates a certain problem in the objectivity of the articulation of this content. It is separately noted that the degree of informativeness of musical signs largely depends on the context of the historical epoch in

which the musical work was written. A special place in the study is occupied by the consideration of the process of conductor's interpretation, as well as the fact that conducting is a special semiotic process, the function of the conductor acts not only as an organizer of collective performance, but also as a "translator" of the semiotic system of the musical text of the musical score into the semiotic system of conductor's gestures, and the process of semiotic analysis of the iconic side of the musical score precedes the process of hermeneutic comprehension of the internal content of the musical score, elaboration of the semiotic system of musical gestures. On the example of P. Boulez's performance of a fragment of G. Mahler's Symphony No. 5 *cis-moll* the essence of the process of conductor's interpretation is considered, for which purpose the comparison of his interpretation with that of conductor G. von Karajan is made, and also, P. Boulez's performance of the overture to the opera "Tristan and Isolde" by R. Wagner is analyzed, which allows to reveal the special attention of this conductor to the unfolding of the musical structure, which is one of the key factors of achieving the objectivity of the disclosure of the musical content.

Keywords: semiotics, hermeneutics, art interpretation, musical text, musical interpretation, conductor's interpretation, P. Boulez

Сведения об авторах

Кожевников Алексей Андреевич, студент исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет; nordqeel@yandex.ru

Королева Анастасия Алексеевна, соискатель, Российский государственный гуманитарный университет; Anastasi-NN@yandex.ru

Правоторов Борис Александрович, студент магистратуры исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет; horvat741223@gmail.com

Слискова Валерия Викторовна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет; vvaleriesss@gmail.com

Филиппова Тамара Алексеевна, студентка исторического факультета Историко-архивного института, Российский государственный гуманитарный университет; anastasiayanushevich@icloud.com

Хагба Адам Анатольевич, соискатель кафедры музыкального и хореографического искусства, Институт искусств Адыгейского государственного университета; adamhagba@gmail.com

Шевякова Ксения Сергеевна, аспирант, Российский государственный гуманитарный университет; ksenia.sheviakova99@gmail.com

Data about the authors

Kozhevnikov Aleksei A., student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, Faculty of History; nordqeel@yandex.ru

Koroleva Anastasiya A., co-researcher, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, Faculty of History; Anastasi-NN@yandex.ru

Pravotorov Boris A., master's degree student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, Faculty of History; horvat741223@gmail.com

Sliskova Valeriya V., postgraduate student, Russian State University for the Humanities; vvaleriesss@gmail.com

Filippova Tamara A., student, Russian State University for the Humanities, Institute for History and Archives, Faculty of History; anastasiyanushevich@icloud.com

Khagba Adam A., co-researcher, Department of Musical and Choreographic Art, Institute of Arts of Adygeya State University; adamhagba@gmail.com

Sheviakova Kseniya S., postgraduate student, Russian State University for the Humanities; ksenia.sheviakova99@gmail.com

Корректор *О.К. Юрьев*
Компьютерная верстка *Е.Б. Рагузина*

Электронная версия издания
gumakcentrggu.ru

Уч.-изд. л. 5,5.
Заказ № 1862

Издательский центр
Российского государственного
гуманитарного университета
125047, Москва, Миусская пл., 6
www.rsuh.ru